

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Гуманитарный факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 10

Новополоцк
ПГУ
2019

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также привлечение внимания к текущему литературному процессу.

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор), Д.А. Лабовкин, С.В. Гочаков

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» *А.А. Гугнин*;
кандидат филологических наук, доцент *Н.Б. Лысова*

ПОЭЗИЯ

ТАЦЦЯНА БАГАРАДАВА

Душа

Душа ты мая басаногая,
Блукаеш дарогі наўзбоч!..
Часінай разважліва-строгая,
Як быццам пахмурная ноч.

А зрэдку, бы сонейка ранняе,
Ляціш да нябёс наўпрасткі
Ды лашчыш паветра світальнае
Ўзмахамі лёгкай рукі.

Чапляешся зрэбнай спадніцаю
За кроны дрымучых ялін,
То ў хаце рыпіш аканіцаю –
Палохаеш восеньскі сплін.

Чаму ж ты бадзяешся, бедная,
Сабе не знайшоўшы спачын,
Як тая манетачка медная,
Ідзеш па руках без прычын?

Калісьці ж з зарою нязгаснаю
Ты мусіш да храма дайсці
І месца трывалае, шчаснае
Ў боскай кішэні знайсці!

Ты Сяргей, аднак жа не Ясенін,
Хоць табой магчыма захапляцца:
Днём зімовым і ў змрок асенні,
Ды вясною ранней захацацца

Ў блакіт ядвабна-аксамітны,
Пра які гавораць: «З павалокай!».
Твой пагляд, загадкава-выбітны,
Змог мяне пакінуць адзінокай.

Толькі мне ўсё роўна: праз стагоддзі,
Праз гады, хвіліны ды імгненні
Я цябе сустрэну, безумоўна,
На мяжы адчаю і сталення!

Ты прайшоў па сцежках патаптаных
Сотняй ног, чужых і выпадковых,
Каб пачуццяў шчырых і адданных
Не спасцігнуць болей ўжо нанова.

А мяне чакае непазбежнасць:
У вечнасці раптоўна захацацца,
Каб адчуць бязважкасць і бязмежнасць
Палкага, пранізлівага танца!

Месяц кветак і траў, калі з сэрца паэзія л'ецца...
Шэпат першай лістоты, чаромхавы водар наўкол.
Месяц гэты ў народзе таму яшчэ траўнем завецца,
Што ў квецень і зелень захутвае дрэвы і дол.
Зноў блакітная бездань нябёс так падобна да колеру бэзу,
Што духмянай галінкай пастукае ціха ў акно.
Пазрывае пялёсткі няўрымслівы ветрык-гарэза
І памкнецца ўдалеч, дзе будзе яго не чутна.
Сарамлівы хлапчук-дзмухавец на палянку збянтэжана вылез:
Хутка жоўты андарацак зменіць на белы жупан.
Для сябе ён, напэўна, адзіную ісціну вынес:
Так бывае ў жыцці, што сёння – падпанак, а заўтра ты – пан.
Кукаванне зязюлі сярод шматгалосага лесу
Адбіваецца рэхам у кронах замшэлых ялін,
Абуджае пранізлівы золак, туману завесу разрывае
І робіць адлік хуткаплынных хвілін.
Ціха крочыць вясна, лёгкі наступ яе непрыкметны,
Ізмурудныя россыпы кідае шчодро ў бакі.
Не ў тонкі паркаль ці сацін непрыгожы, тандэтны,
А ў зялёны ядваб апраанае прыроду штогод, – і так будзе ўвякі!

Уначы

У ціхай зімовай начы,
 Дзе падае снег на павейкі,
 Душа недасяжна крычыць,
 Блукае, нібы чарадзейка.

Шукае няўцямна святло –
 Агмяныя знічы кахання.
 Прыгадвае ўсё, што прайшло:
 Гаркоту і расчараванне,

І радасных дзён без турбот
 Гарэзлівы кужаль вясёлы,
 І сонечны колазварот,
 І бэзавы водар наўкола,

І спелыя колеры траў,
 Янтарным налітыя сокам,
 І коўдру з духмяных атаў,
 І бусла ў небе высокім.

І жоўты пакутлівы ліст,
 Што ўпаў на зямлю ў знямозе,
 І ветра пранізлівы свіст
 На слізкай жыццёвай дарозе,

І тонкіх карункаў узор,
 Што ткуць маразы і завеі,
 І россыпы велічных зор,
 Што сталі пачаткам надзеі.

Зноў прыйдзе з нябёс цішыня,
 Агорнуць душу спадзяванні;
 Няпростая справа – суняць
 Былыя памкненні-жаданні.

Дарэмна ў сцюдзёнай начы,
 Дзе падаюць зоркі з павейкаў,
 Душа безнадзейна крычыць,
 Блукае, нібы чарадзейка...

Вясновае

У нябыт адыходзяць словы,
 Што ты мне гаварыў апантана,
 Ды складаў палымяна прамовы,
 Быццам шчыра кахаў і аддана.

Ты чытаў мне чужыя вершы,
 Што другой напісаў калісьці.
 У цябе не была я першай –
 Пачарнела кахання лісце.

Восень жоўтыя косы прыбрала,
 Адмялі і снягі, і завеі,
 Зноў вясна на зямлі шчыравала
 Ў бялуткіх апратках феі.

Крыху мне падсініла вочы
 І, пазычыўшы фарбы ў неба,
 Запаліла зоры ўночы,
 Апрунула ў футра вербы.

Зноў, святлом атуліўшы плечы,
 Я іду, удыхаю паветра.
 Мне пад ногі кладзецца вечнасць,
 Дыфірамбы прымаю ад ветра.

У алоўка прыдбаю натхненне,
 У паперы – пачуцці без краю,
 Бо ў вершах шукаю збаўненне
 І на вернасць сабе прысягаю.

Не дары мадрыгалы – не трэба,
 Я не стану тваёй Клеапатрай,
 Бо живу ў гармоніі з небам
 І за шчасце змагаюся ўпарта.

Не патрэбна сустрэчаў хвілінных,
 І куплетаў, другой напісаных,
 І гісторый прыдумных, былінных,
 І санетаў, даўно зрыфмаваных!

Я стаю ў лёсу на парозе
 І баюся грукаець у дзверы.
 Рукі апускаюцца ў знямозе,
 А душа пазбаўленая веры.

Можа, шчасце я не там шукала,
 І, спяваўшы гучныя вяснянкі,
 Долю непрыкметную гукала,
 Клікала абуджаныя ранкі?

Паглядзеўшы ў люстэрка часу,
 Бачу там мінулага адбіткі:
 Кроплю шчырасці, занадта многа фарсу...
 Зноў гартаю маладосці шпыткі.

І на жоўтай выцвілай старонцы
 Пазнаю прыкметы адраджэння,
 Патрымаю спадзяванні ў гронцы
 Спелым летнім часам абуджэння!

Поэт Поэту лишь Поэт?

Давай помолчим о нас...
Ты рядом – слева в груди!
Молитвами этих глаз,
о, только не сквозь гляди!

Бессонница на двоих
одна. И одна луна.
Один не рождённый стих
заменит собой сполна!

Движенья седых веков
в смирении этих стен...
Любите мой стук шагов,
свидетели прошлых сцен!

Спасение ищем здесь,
себя возвратив себе...
О, нечто большее есть,
чем просто рай на земле!

Влекомые тайной слов,
мы чертим их смысла штрих.
Забытый закон не нов,
что истина – в нас самих!

Безумство, Небытие
и голос былых кровей,
ты многоточье моё
и Песня Песни моей!

Хоть крылья, хоть крест – руби! –
неважно, что за спиной,
Ты только меня люби
чуть больше себя порой!

Тебя на разломах дней
я нежностью стерегу
и пью..., и люблю острой
всё то, что убить смогу.

И хоть постоянно врозь
разводит река мосты –
я вижу тебя насквозь
реальней, чем знаешь ты.

Как трудно тебя любить,
тебя – Вселенной дитя!
Мне нужно учиться жить,
теряя – не обретя!

Я знаю, в твоём огне
сгореть ещё не одной.
Ты душу раскрасил мне,
неважно, какой ценой!

Когда догорит свеча –
не бойся и Расскажи...
Коснувшись Его плеча,
уже ль снизойдёшь до лжи?

Приму, чем одаришь – всё!
Впитает бумага крик
любой. И пускай спасёт
меня твой Палач – Старик!*

Отпевшийся – замолчишь...
И – с мудростью отпущу...
Ты сильный. Ты всё простишь.
Я сильная. Я прощу.

Созреет стихов вино
и станет бессмертным слог,
условие лишь одно –
чтоб к ним прикасался Бог.

Всех звёзд на твоём Пути!
У Времени вырвав месть,
ты только не упави!
Я рядом с тобой! Я – есть.

**Палач – Старик – (Бог)*

Чтобы спастись...

А в груди больше нет мест...
Это чуждое телу месиво...
Коли был бы оправдан крест –
на заутренней бы повесила...
Коль живой воды не пила –
речкой глазёнки не синила бы...
Коль умела бы – прокляла...
На вечерней же – заживила бы...
А когда заземлится срок
Зорькой алой не обозначится –
Приходи ко мне на порог:
Вместе чище да горше плачется...

Безвременье... В руках неодолимых
смыкаются виски.
Уходят не от некогда любимых,
уходят от Тоски.

Затянется... В кольцо десятилетий
и не предугадать,
как в игры взрослых маленькие дети
научатся играть.

И будет день так горд и неподвластен,
как только не молишь.
Уйдут от тех, кто жалок и несчастен,
чтобы спастись...

Кинестетика любви

Ежеутренней, всевечерней
жаждой губ — в теплоту плеча...
Так касаются сгоряча
те, кто ветра и сна неверней...
Задыхаясь и вне и возле,
так целуют в последний раз,
так вжимают в пустоты глаз
накипь слёз, чтобы не замёрзли,
так ресницами-мотыльками
разрывают тугую грудь,
так, цепляясь за что-нибудь,
жизнь удерживают руками,
так, меж рёбер затёршись вздохом,
превращаются вновь в ребро —
Так выкладывает таро
Безрассудство любви по крохам...

Снова гостьей в твою обитель...
(А когда-то всё было домом!)
Просто житель или НЕ житель —
это ты... Боже, как знакомо:
и уныло гудящий чайник,
и глаза — в пустоту проёма...
Мой нечищенный умывальник —
безысходности аксиома.
...Ты теряешь слова на вздохе
и уходишь в одну из комнат.
Есть покой... И не так уж плохи
те часы, что за нас напомнят
позабывшее обещанье
разномерно — тихим стуком.
Я вошла к тебе, как молчанье,
а осталась саднящим звуком.

Одиночество XXI века

Я в виртуальности живу, как наяву.
Хочу — махну в Париж, хочу — в Москву.
Везде мне рады новые друзья,
Такие ж нереальные, как я.

Им жизнь свою готова разложить
По полочкам, забыв, что значит жить
И подчиняться вечной суете.
Реальны только — чайник на плите
(Мой неизменный и надёжный друг)
И тишина, звенящая вокруг...

Такой большущий город — миллион,
И даже больше лиц вмещает он.
А места мне, как будто, не найти,
Хоть в нём я истоптала все пути.
Наверно, потому, что все подряд
Реально у компьютеров сидят.

2019 год

Ветер

По непролазным ветвистым кустам,
По придорожью, по диким цветам
Ветер-гуляка, напившийся в дым,
Смело резвится коньком молодым...

Тише — не тише, опять поворот,
То замолкает, то свистом орёт.
Ветер — хозяин. Ему нипочём
Скромно свернуться на миг калачом,

Резко вздохнуть — разгулять снегопад
Меж разноцветных сосулеч-лампад,
Мирно уснуть на обочине дня,
Выпив его до прозрачного дна.

Ветер на море, на небе, в траве...
Ветер гуляет в моей голове...

2019 год

Колька*к 50-летию событий на о. Даманском 2 марта 1969 г*

Ленинградские ночи белые.
Школьный вальс. Поцелуй. Аттестат.
Новобранцы, совсем несмелые.
Слёзы матери. Военкомат.
У мальчишек дороги разные —
Был Советский Союз — не объять.
Кольке выпали дни опасные
Службы срочной — в дозоре стоять.

На границе с Китаем дружеским,
Где резвится река Уссури,
Повстречался он с юным мужеством
И с пожаром восточной зари.
В марте снег на Даманском острове
Был таким, как у Нарвских ворот...
Снегопада колючки острые
Не мешали команде: «Вперёд!».

Отражая нападки дерзкие
Целой роты китайских солдат,
Со словами безумно-резкими:
«Ты же не был воинственным, брат?»,
Защищали страну родимую
Пограничники там от друзей,
Чтобы войны и злобу мнимую
Навсегда запечатать в музей.

Колька в детстве гордился кедами,
Прославляя китайский их бренд.
Нам, живущим сейчас, неведомо,
Был зачем тот безумнейший бред,
Что закончился бойней смертной...
Колька выполнил смерти приказ —
В двадцать в книгу попасть бессмертную
Он успел, охраняя всех нас...

Память прошлого — есть история,
Ну, а мы — у её руля.
Наша общая территория —
Дорогая планета Земля!

*2019 год, март***Белоруска**

Великой Западной Двины
Без Витьбы* и Лучёсы*
Мне не представить. Не даны
Им камни и утёсы.
Им Витебск укреплять дано
Своей славянской хваткой,
Чтоб разливать гостям вино
По кружкам без остатков.

Гулять вдоль Витьбы в летний час,
Когда дела — стороной,
И любоваться всякий раз
Её натурой тонкой,
Мне никогда не надоест.
Она — моя подружка.
Смотрю, как утка булку ест,
Что бросила старушка,
И вспоминаю о своей
Псковё, речушке русской,
И ощущаю всё сильней,
Что стала белоруской.

2019 год

** В черте города Витебска в реку Западная Двина впадают
два левых притока: Витьба и Лучёса.*

Калиновый квасок

Жарким танцем зажигает лето
Утреннюю красную зарю!
И в траве искрящегося света
Есть, где размахнуться косарю.

По блестящей зелени проворно
Маятник косы слагает ритм —
Звуком стали утреннего горна
С небом и землею говорит.

Мокрая рубаха... Сушит глотку...
Но косить траву, чтоб сбить тоску,
Надо. А потом — попить в охотку
Из калины красного кваску!

Наполняет квас волшебной силой,
Словно нарождаешься на свет.
Позабыть навек измену милой
Способа на свете лучше нет!

2019 год

Пусть так...

Хочу быть пылью на дороге,
Сухою пижмой на меже,
Соринкой мелкой на пороге,
Травой сорванной уже,
Стекла осколком даже,
Блеснувшим искрою в свету,
Хоть рваной тряпкой в распродаже,
И павшей птицей на лету...

А ветер пусть порывом, рьяно
Сметёт меня с лица земли,
И, воя в тучах синих пьяно,
Отдаст космической пыли...

06.01.2019

Крылья

В своей утопала любви, –
Как в речке, – по самые брови.
Немая разлука – кричала,
И не было рядом причала.

Ко мне ли придвинулась суша,
Законы все дерзостно руша?
А может, русалка спасала?
И молний сверкнуло кресало:
Костёр загорелся горячий
Зарёй, когда ивогла плачет.
Он высушил слёзы – навечно.
Бесчеловечно.

Душа от любви горячей
Становится зрячей.
Моя от страданий ослепла,
Сгорая от пепла...

Незримые крылья дрожали,
Меня поднимая. Держали,
Когда я тонула, сгорала.
Не видя, я путь выбирала, –
Дорогу мою освещали,
Мои разведали печали...
Меня от несчастий укрыли
Любви твои тёплые крылья.

19.12.2017

Навеянный унылым откровеньем сон
Мне снится, снится, снится...
Синеющий в вуали из сверкающих волокон
Мерещится мне образ птицы.
Она взмахнет крылом, исчезнет вдруг.
Она растает в бело-розовом тумане.
Она взмахнет крылом, прогонит сон,
Оставив лишь тягучие воспоминания.
И был бы рад я прикоснуться к птице,
Погладить синее перо...
Да только выживет ли птица
В руках того, кто слаб душой?

Вороны клюют цветы,
Что растут в моей голове,
Но я никогда не расскажу
Об этом тебе.
Впрочем, никому и не стоит
Такое знать,
Ведь красные лепестки
В цветок уже не соберать.

Красные лепестки,
Что дождём опадают.
Красные лепестки,
Что сердце от ран укрывают.
Черным птицам его не достать,
Хоть и больно цветам
Свои крылья терять.

Ты же уснёшь,
Как раз на закате.
В красной любви, горячих объятьях.
Черная птица над ней пролетит.
Но ты не заметишь,
Ты сладко спишь.

Старая стерва

Время есть враг. Из глубоких седых морщин
Чёрным зрачком усмехается злая память.
Старая стерва ночами считает мужчин,
Тех, кто когда-либо смог её здесь оставить.

Старая стерва. Играет в руке мундштук,
Узкие губы не скроют ни злость, ни зависть.
Старая стерва не снимет браслеты с рук,
Золото это – дражайшее, что осталось.

Длинная юбка, холодный дотошный взгляд,
Запах лаванды и чай с чабрецом и мятой.
Только подумать, лет 10–12 назад
Она не могла представить себя помятой.

Старая стерва выходит в закатный сад,
Ветер играет с седыми её волосами.
Старая смотрит вдаль, вспоминает: «Гад.
Гад с молодыми, живыми ещё глазами».

Старая стерва спешно вернулась в дом.
Ещё один день догорал, как дрова в камине.
Стерва снова осталась со старым котом,
Который тоже скоро её покинет.

Старая стерва потупила тусклый взгляд,
Руки несмело накрыли усталые веки.
Старая стерва мечтает вернуться назад,
Так никогда не узнав о родном человеке.

Время есть враг. Из глубоких седых морщин
Чёрным зрачком усмехается злая память.
В списке у старой стервы только один,
Тот, кто, увы, обречён был её оставить.

Рукав Ориона

Мир сходит с ума. Природа чеканит градом протест.
В окно то адово пекло, то выюга бьёт.
В автобусе жизни Старухе Душе нет мест.
Водитель автобуса день двадцать третий пьёт.

В салоне кто в угол забился от страха, молчит,
А кто как базарная баба разводит крик.
Сидят у окна молодые Гнев и Стыд.
В проходе стоит Терпенье – седой старик.

Прощенью с клюкой оттоптали все ноги в кровь,
Но слова не скажет, опустит лишь взор свой в пол.
А на остановке Презренье избил Любовь,
А в доме напротив Страх накрывает стол.

А там, высоко, к Ориону подходит мать,
И, огорчённо и с грустью губы поджав,
В стотысячный раз осторожно берется сшивать
Разорванный сыном в стотысячный раз рукав.

Ей

Мы сидели у ЗАГСа и пили вино из горла.
Она сильно пьянела, но всё же пила, пила...
Её песня лилась очень сбивчивой бурной рекой,
И вдруг резко откинув дотлевший бычок рукой,
Она в миг как погасла, будто капля воды в свече,
Она видимо вспомнила о далёкой своей мечте.
Ожидая истерики, я терпеливо молчу.

Она медленно встала, похлопав меня по плечу,
Она тихо пошла, унося тонкий трепет плеч,
И я вдруг осознал, что не стоит игра
Вот таких вот погасших свеч.

Чудак

Чтобы построить дом недостаточно вовсе стен.
Мало и двух на часах, чтобы увидеть ночь.
Нужен порой нам лишь только один человек,
Который без страха в глазах умудрится случайно помочь.

Нам нужен сваренный кем-то кофе, заваренный чай,
Плед, брошенный будто случайно на холод плеч...
Нам нужно, чтоб кто-то позволил: «По мне скучай,
Или игра моя вовсе не стоит свеч».

Нужен кому-то порой одиночества час,
Чашка глинтвейна и мягкий уютный кот.
Нужен кому-то покой, кому-то несдержанный фарс,
Нужен глоток тишины и вся боль пройдёт.

А кто-то хотел бы другому крылья дарить
И их расправляя, надежду в душе тая,
Смотреть за полётом, Бога благодарить,
И этот чудак, по-видимому, это – я.

Родному дому

Есть в мире моём совершенно священное место.
Такие мы все бережём, как зеницу ока.
Там вечно добры к нам, там вечно дадут согреться.
Там ждут нас. Любых. Идеальных, с пороком.

Там видим мы первые слёзы и слышим смех свой.
Там первые песни звучат над землёю гимнами.
Там простят тебе самый тяжёлый грех твой,
Хоть будет коротким твой путь, хоть длинным.

Пусть мне говорят, все дороги ведут нас к римлянам,
Мой Рим – это дом на самой окраине города.
Пусть это "всего лишь" земля под белыми крыльями,
Дорога к нему всё пьянит меня хмелем и соломом.

Твои глаза словно холодный серый лист...
Они как осенью раздетые деревья,
Листья которых, опускаясь вниз,
Предчувствуют уже зимы преддверье.

Твои глаза, холодные, как сталь,
Как материал дарящих смерть оружий.
Как злобный ветер, уносящий вдаль
Звук очереди бессердечных ружей.

Твои жестокие, голодные глаза,
Не знающие боли, сострадания,
И бессердечно мёртвая, тупая пустота,
Туманящая полностью сознание.

Уставшие и мёртвые, они
даруют лишь слепой мороз по коже.
Они почти пусты, но видна в них
Вся скорбь, что пережил... Что прожил...

Твои глаза под веками войны...
Под боли пеленой, дарённой страшным веком,
Все ужасы тебе как испытания даны,
Но ты не смог, увы, остаться человеком...

Вы жрёте в ресторанах дорогих
Вы тратитесь на платья дорогие.
Вам наплевать на всех людей живых.
Вы денег ждёте. Смерти ждут другие.

Вы прикупили место на Луне.
Там ваше имя выбили на кратере,
Но позабыли вы о жизни на земле.
Угрюмо-сонные, жестокие, пузатые.

Эй, ты! Купи ещё один алмаз
Размером с голову несчастного ребёнка,
Что в Африке от голода угас,
Что ненавидит мир и плачет тонко...

За этот камень из красивого стекла
Мы заплатили все стократ дороже.
Мы предпочли блеск дорогого барахла,
Что мне не нужно. Что тебе не нужно тоже.

Мы жертвуем дыханием других
Во имя развлечений, украшений.
И пусть никто из них нас не винит,
Но ни один из нас не стоит их прощенья.

17

Мы верим в пустоту горячих обещаний.
Мы верим в "я люблю" и "навсегда".
Не переносим долгих и мучительных прощаний,
А после них не вспоминаем никогда.

Нам по семнадцать. Мы уже не верим в сказки.
Мы взрослые, мы мудрые совсем.
На искренность уже глядим с опаской,
И между нами нету общих тем.

Мы разучились радоваться просто
Без алкоголя, жить без сигарет.
Мы сами знаем всё. Здесь каждый взрослый.
Мы выросли. Нам по семнадцать лет.

Мы все стараемся найти предлог для ссоры.
Предлогов ведь так мало для любви...
И если телом слаб – тебе в собачью свору,
Но будет вашим мир, коль вы сильны.

Мы больше не читаем глупых книжек.
Зачем? Совсем в них смысла нет.
Зачем весь этот бред, скажи? Ведь мы же
Всему нашли замену – Интернет.

Мы по ночам тайком бежим, гуляем,
Когда хотим, мы выключаем телефон...
А после искренне не понимаем
За что на нас вдруг повышают тон?

Мы взрослые уже. Совсем не дети.
Нам не по десять, по семнадцать лет.
А если на вопрос какой-то не ответишь,
Ты думаешь тебе помогут? Нет.

Ты никогда не задавал вопросов.
Кричал, что на любой ты дашь ответ.
Ну а теперь подумай, и ответь мне, взрослый.
Кто ты вообще такой, в свои семнадцать лет?

Олень

В прохладном свете осени
Олень бродил в листве.
Во влаге свежей мороси,
В сырой лесной траве.

Дышал ноздрями шумными,
Внимал немой поре.
Он спал ночами лунными,
Вставал с тоской в заре.

Лакал он у вод верности.
Его вела звезда
К купальням тихой вечности.
Он шёл туда всегда.

Грустилось зверю нежному...
Страдал, любил в пути.
Влекло к истоку млечному...
Иди, олень, иди!

Вдали узрел мгновение...
Судьбы седой шаги.
С краёв чудесных пение...
Беги, мой друг, беги!..
04.09.2019

Дева

В бамбуковой беседке
Среди жасмина и mimosa
И птиц морских на ветке
Стояла дева в пору гроз.

Искрясь, стекали капли,
Дождинки спутывали лес.
В пруду бродили цапли,
Любуясь девою с небес.

Она парила плавно
Во влажных шепчущих цветах.
Ветрам молилась тайно
С улыбкой счастья на устах.

Не знал её молитвы
Никто из всех живых существ,
Её тяжёлой битвы,
Побед душевных и торжеств.

Следы немой тревоги.
Бледна. Лицо её в слезах...
Кого зовёт с дороги?
Кого встречает во вратах?
02.09.2019

Родной!..

Я прихожу к Тебе всегда.
Пусть даже в мрачном забытии.
Я нахожу Тебя тогда,
Когда нет сил уже идти.

Я прихожу к Тебе во сне,
Веду нас в светлые края.
Твой дух века живёт во мне,
Душа моя – вовек Твоя.

Я прихожу к Тебе в заре,
В объятьях грею с далека.
Моя улыбка – на горе,
Где солнце смотрит свысока.

Я прихожу к Тебе всегда.
Любовью, болью на пути.
На небесах горит звезда...
Лети ко мне, Родной, лети!..
06.09.2019

Я буду ждать Тебя весной,
Среди садов молочных и полей.
Внимая, как тоскует соловей,
Когда цветёт Земля Тобой.

Я буду ждать Тебя зимой
Среди озёр холодных и снегов.
На расстоянии нескольких шагов
С Тобой мечтаю под Луной.

Я буду ждать Тебя порой,
Когда мне станет ждать совсем невмочь,
Казаться будет: Силы Света прочь
Ушли, Тебя забрав с собой.

Я буду ждать Тебя домой
Во все века и на планетах всех,
Пока мы вместе к Храму Солнца вверх
Не воспарим звездой одной.
29.04.2019

Мудрец

Сидящий у окна мудрец
Раздумывал о жизни.
Лиловый в волосах венец
С цветами лунной вишни.

Следил за танцем чая он,
В воде за светом Солнца.
Творцу за всё свершал поклон
Слезам богомольца.

Не знал, куда пойдёт затем...
Доверился лишь Богу...
Не знал, и жизнь дана зачем, –
Смотрел он на дорогу.
01.09.2019

Я когда-то летала над звёздами,
И однажды там кто-то сказал,
Что за спелыми, тихими вёснами
Ты давно здесь меня отыскал.

Твои губы поют о сиянии
Первозданной любви неземной.
Мы живём на земном расстоянии,
Но сердца сплетены чистотой.

Каждый день ощущаю дыхание
Твоих мыслей, деяний святых.
И души Твоей ноты, звучание
Её струн с измерений других.

В мои думы порою с закатами
Входит грусть, да с терновым венцом.
И тоска с громовыми раскатами
Окружает свинцовым кольцом.

Но когда я летала над звёздами,
Мне однажды там кто-то сказал,
Что за спелыми, тихими вёснами
Бог давно нас с Тобой обвенчал.
20.04.2019

Я когда-нибудь отправлюсь в путь
В Святые, дальние края.
Наберу побольше Счастья в грудь,
Открою тайну бытия.

Я когда-нибудь уйду к морям,
Чтоб с Солнцем сблизиться в заре,
Чтобы стать звездой кораблям,
Сойдя на сушу в сентябре.

Я когда-нибудь сомкну в руках
Мой жезл потерянной Судьбы:
Пусть вовеки в пламенных устах
Струится пение мольбы.

Я когда-нибудь укроюсь в шаль,
И сердце бережно храня,
В октябре к Тебе направлюсь вдаль,
Любовью, Верою живя.

Я когда-нибудь приду домой:
В лучистом первом ноябре
Мы глазами встретимся с Тобой,
Сливаясь в Божественной поре.
22.06.2019

Взяла гроздь рябины с земли
Тяжелую, полную, сочную,
К себе пригласив грусть
Свинцовую, сытую, прочную.

Пошла по опавшей листве
Зелёной, влажной, мёртвой,
С грустью, погрязшей во тьме
Густой, рябиновой, гордой.

Сожгла на костре у реки
Размеренной, сонной, безгласной,
Мечту обрести покой
Уютный, родной, бесстрастный.

Нашла лабиринты дорог
Змеистых, чудных, манящих,
С гроздьёй грусти бродить
В поисках смыслов и счастья.

Давай добавим подавленной ярости
Холодную яркость гроз,
Алым вспышкам суетной радости –
Пряную сладость грёз.

Давай запишем неоновым почерком
Рассветные очерки снов,
Готическим шрифтом – романс одиночеству,
Раскинув пасьянс из слов.

Давай оставим в лирике памяти
На древней грамоте звёзд
Осколки прошлого, тоску настоящего,
Построив в грядущее мост.

The Wolfie Wolf and Seven Goats in the Short and Funny Notes

*Today the poetry is bold
To point out who is the Goat.*

Some time ago, which was so good
There lived a She-Goat in the wood.
She had a wooden house of own
And seven little kids at home.
Nothing was said of the He-Goat,
I guess he wasn't like a dolt,
'Cause on the day he understood
He wasn't daddy of the brood.
And not to make laugh the neighbourhood
He left for good for another wood.

* * *

One day the She-Goat realized
That she had run out of the spice.
She took some money and the bucket
And went to the local supermarket.
The little kids were left alone
And firmly locked in their home.
The order was: "At any score
Keep always closed the house front door",
And only on the mother's song
They were allowed to open home.

* * *

That very morning, which was crucial
The Wolfie woke up in the bushes.
He saw the She-Goat with the bucket
And guessed that she went to the market,
When fastening his trousers' button
Ideas came about the mutton
The Wolf was intelligent and cute
One day he entered the Institute.
He wished to be a gentleman.
He read so many books and then
He got acquainted with the Fox
Who infected him with pox.
The Fate had shown its back to him
He had to pay for his intim –
Missing classes in amount
He became the Wolf-drop-out,
And in spite of his IQ
Had to stand in the dole queue.

* * *

The seven kids were playing cards
When sounds came from someone's guts.
The little kids were in surprise –
The time was not for Mum t'arrive,
Besides the false and husky notes
Were recognized as Wolfie's cords.

So as the Wolfie was refused
He swore and scolded and abused,
But nothing doing, in dismay
The poor Wolf had gone away.
He asked the bear him to help,
Who struck his tongue and made him yelp.
And what a wonder! A magic thing!
The hummer made the Wolfie sing!
Having drunk a glass of Scotch,
The Wolf was singing in the porch.
And not paying any taxes
He got a desired access.
God forbid and take it deuce!
What the mess there he produced!
Little kids were scared to death,
They were out of their breath,
'Cause the Wolf with jaws wide open
Shone with the teeth (one had been broken).
And of course, he didn't like it
When his head had met the bucket,
Like the most severe judge
Mother Goat expressed her grudge.
Wolfie wobbled to and fro
And had fallen on the floor.

* * *

Some time had passed, he opened eyes
And he could hardly memorize
His name, his past, the way he lived,
Ideals, morals he believed.
The She-Goat didn't lose her chance,
She made him marry her at once.
And being in the happy mood
They made a wedding in the wood.
From Monday morning for two weeks
There were heard crunches, squeaks and shrieks.
They ate and drank and sang the songs –
The Wolf produced the highest tones.
It seemed to be forever love...
...But in a year and a half
The She-Goat on her own behalf
Had found Wolfs love as not enough.

* * *

A little later, in the wood
I saw the Wolf in search of food
His sight made me almost mad –
Two horns had grown on Wolfie's head,
And near him, in dirty coats,
There was a band of little goats.

22.10.1997

ПРОЗА

НАТАЛЬЯ БОРИСЕНКО

ПРОСТОЙ РАССКАЗ

У меня есть друг – шестилетний Стёпка. Он читает при встречах свои стихи, озадачивает загадками и знакомит с героями любимых мультиков. Чем ответить на его доверие? Своим доверием к его любознательной душе. И я предлагаю:

– Пойдем в Храм?

Он тут же реагирует:

– Туда, где живет Бог?

– Туда.

Собрались быстро, чтобы успеть к автобусу. Подходя к Храму, малыш утвердительно сказал:

– Здесь живет Бог!

– Да, и ещё Его святые.

Весь вид Стёпки горел жгучим детским любопытством. Его состояние наполнило меня радостью. Душа Стёпки стремилась к знакомству с новым загадочным миром. Что же там за дверью?

Подошли. Малыш остановился и в нерешительности выпалил:

– Я не пойду, я стесняюсь!

Меня поразила искренность маленького человека, в которой проявилось истинное благоговение сердца. Он стоял перед непонятым, но осязаемым и таинственным миром, в котором живёт Бог.

Убедила зайти ненадолго и поставить свечу. Стёпке это показалось заманчивым. Преодолевая себя, став послушным с первого слова, он вошёл за мной в Храм. А там тишина. Горящие свечи наполняли место тёплым покоем. Малыш притих и как-то повзрослел. Подошли к аналою. Неумело, но очень стараясь, перекрестился, легко встав на колени. Я наблюдала за ним со щемлящим чувством, которое очищало моё сердце. Сказала Стёпке:

– А теперь походи сам, посмотри на святых, а я пойду за свечами.

Он кивнул и стал несмело обходить Храм. Вернувшись, я спросила:

– Кому поставил свечу?

Малыш показал на Распятие Спасителя и затем спросил:

– Кто это?

– Сын Бога.

– А как его зовут?

– Иисус Христос.

Очень хотелось Стёпке запомнить это святое имя. Он повторил его несколько раз. Последовал логичный вопрос:

– А кто его мама?

– Присно дева Мария, Царица Небесная.

Малыш с восторгом повторил:

– Царица Небесная, какая красивая с короной на голове. Мы подошли к иконе Божией Матери «Призри на смирение». Кроме нас в Храме был ещё один человек. Седой мужчина, как свеча, стоял перед этой иконой. Мы присели на скамью, ожидая конца молитвы этого человека. И тут начались Стёпкины вопросы:

– А где живёт Божий сын?

– Он живёт на Небесах и в сердцах людей, любящих Его.

– А можно Его увидеть?

– Да, на иконах, в образе Сына Человеческого. Его мама Богородица, была земной девой. Иисуса Христа убили, но Он воскрес и принес эту весть людям. И теперь все люди, умершие на земле, воскреснут и будут жить на Небесах. Все там и встретимся.

Разговаривая с малышом, я чувствовала, что мы разговариваем сердцами. Мы понимали друг друга. Вопросы не иссякли:

– На Небесах мы встретимся со всеми, всеми?

– Да, кого мы любим на земле.

И из Стёпки посыпались имена мамы, папы, бабушек, друзей. Затем он вспомнил про своих животных:

– И с Жужей, Мусей и Тосиком?

– Ты же любишь их?

– Да!

– Тогда ты будешь с ними.

Наступила пауза. Малыш задумался. И вдруг прозвучал каверзный вопрос:

– И с лягушкой?

– Я верю, что в Царствии Небесном найдется место всякой живности.

Вопросов больше не было. Остались размышления. Выходя из Храма, мы столкнулись с священником.

– Это Бог? – громко и радостно спросил Стёпка.

Как не терпелось этому горячему сердечку увидеть живого Бога!

– Нет, это главный служитель в Храме. В алтаре он разговаривает с Богом и молится Ему.

Возвращались домой на автобусе. Мест не было, и мы встали у окна, держась за поручень. Оба молчали и смотрели в окно. Вдруг малыш тихо произнёс:

– Какой Иисус Христос нежный.

От этого внезапного детского открытия у меня замерло сердце. Какой особый разговор Стёпка вёл с Богом?! Чуть погодя, положив руку малыша на его сердце, сказала:

– Бог всегда живёт в твоём сердце. Ты только не забывай Его. Он твой друг, ты всегда можешь с Ним поговорить.

Приехав домой, Стёпка первым делом занялся поиском иконы, где был Бог. Нашли образ Казанской иконы Божией Матери. С ней он поговорил и поцеловал. Душа ребёнка всегда готова с радостью делиться своей чистотой.

АНДРЕЙ МАРДАНОВ

МИНИАТЮРА

– Один раз я был в России, – задумчиво произнёс лорд Артур, глядя на тяжёлые бутоны фиолетовых георгинов, заглядывающие в гостиную через открытое венецианское окно. – Это было в 1848 году.

– Вот как? – удивился сэр Себастиан, отложив томик Бодлера на дубовый с золотым тиснением письменный столик. – Любопытно.

– Знаете, что там произвело на меня самое сильное впечатление? – спросил лорд Артур, опираясь локтем на полку камина, искусно выполненного из индийского оникса.

– Что же? – живо поинтересовался сэр Себастиан, раскуривая трубку из слоновой кости, привезённую им из колоний в восточной Африке.

– Та необъяснимая и таинственная манера, с которой один человек держал рюмку, – сказал лорд Артур, несмело посмотрев на собеседника, зная, что подобное замечание вызовет по крайней мере недоумение, и опустил в кресло напротив.

– Помилуйте, Лорд Артур, что же в ней необычного? – сэр Себастиан с удивлением взглянул на своего друга, поудобнее устраиваясь на оттоманке в предвкушении занимательного повествования.

– В Англии я никогда не видел, чтобы кто-нибудь держал рюмку так, как тот бывший каторжанин, – начал лорд Артур. – Как бы слабо и небрежно он её ни сжимал, создавалось впечатление, что она крепко сидела в его покрытой ушибами руке и смотрелась так органично, словно являлась её естественным продолжением. Рюмка будто вбирала в себя всю его печаль, все его слёзы, но вместо того, чтобы выплеснуть их и навсегда от них избавиться, он снова вливал их в себя, замыкая тем самым круг страданий, которым суждено было повториться.

Я заметил ту необычную и непостижимую концентрацию перед тем как он вновь в полной мере осушил свою чашу скорби. Молча глядел он в эту бездну и видел в ней мороз каторги, сырые стены церкви, могильный лес и безысходность бытия. Чтобы всё это оставить с собой и ещё раз пронзить своё сознание острым ужасом, он выпил ещё одну рюмку до последней капли. Осмелюсь даже предположить, что русский человек нередко пьёт, не для того, чтобы притупить свои чувства, а именно для того, чтобы заострить свой контакт со страданием, любовь и уважение к которому является неотъемлемой чертой его национальной идентичности, о чём убедительно и обстоятельно размышлял их великий писатель Достоевский.

– Недурно, – воскликнул сэр Себастиан. – Тем не менее, это неслыханно, чтобы менталитет народа можно было определить по манере одного из его представителей держать рюмку. Тем более, если вы были в России всего один раз. У вас, видимо, разыгралось воображение от пребывания в этой восточной стране. Поверьте, в Индии и не такое случалось.

– Вы правы, – согласился лорд Артур, расстроенный тем, что сэр Себастиан скептически воспринял его наблюдения. – Признаюсь, подобное умозаключение было бы опрометчивым и бездоказательным. Однако эпизод, свидетелем которого я стал и о котором вам поведал, немало поразил меня и помог мне понять кое-что об этой неизвестной стране. Вас, вероятно, позабавит мой вывод, тем не менее, очень может быть, что, случайно заметив эту едва уловимую деталь, я смог понять Россию.

– Полно вам, лорд Артур, – засмеялся сэр Себастиан.

– Уверю вас! – закричал лорд Артур. – Тогда он отчаянно зажмурил свои печальные глаза и рывком запрокинул голову, как на плахе, его спуганные волосы безжизненно упали на воротник грязной рубахи! В этот миг он словно отрёкся от себя и принял всю боль земли...!

– Прошу вас, друг мой. Уже половина девятого. Нас ждут в клубе, – умоляюще заговорил сэр Себастиан, захлопнув крышку золотых часов на цепочке.

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

ШТОСС

<...>

А.А. КОЗИН

ШТОСС

(заключение)

4

Он встал позднее, чем обыкновенно; провел ревизию своих средств, дабы рассчитать, сколько партий в состоянии выдержать оставшийся капитал. Капитал был скуден – хватало лишь на три партии. Лугин вышел на улицу и отправился к штаб-ротмистру Ветрову, которого месяц назад видел на музыкальном вечере у графа В.

Ветров снимал квартиру в противоположной от Столярного переулка стороне города; путь предстоял не близкий, зато было время обдумать каждое слово, чтобы затем попросить Ветрова об одной услуге. Мороз сковал грязь, а рассыпанная по мостовой поземка внушала ощущение чистоты и обновления. Даже лица извозчиков, дремавших под полостями саней, казались приветливее и свежее.

Ветрова Лугин не застал, но горничная уверила нежданного гостя, что тот должен вот-вот придти. Лугин стал ждать. Вскоре звякнули шпоры, послышались уверенные, упругие шаги, шорох снимаемого платья и приглушенный голос горничной.

В дверях показался Ветров. Это был великолепно сложенный малый; рябое лицо его дышало здоровьем и открытостью, голубые глаза весело смотрели из-под рыжеватых бровей, а в загорелых веснушчатых руках угадывалась недюжинная сила. Он легко фехтовал одновременно двумя солдатскими тесаками, а во владении саблей в полку ему могли противостать лишь два-три смельчака. Ветров слыл неплохим стрелком. Несмотря на эти способности, ему не было свойственно бретёрство. Он сохранял рассудок даже в самых щекотливых ситуациях, когда вопросы чести неукоснительно требовали поединка. Не раз он вразумлял горячие головы молодых офицеров, готовых встать к барьеру. Карты и женщины были его страстью. В карты ему чудесным образом везло. Женщинам он нравился, и знал это. Однако, несмотря на свой веселый нрав, он иногда чувствовал по отношению к ним потаенную робость; если за карточным столом сидела дама, Ветров избегал встретиться с ней взглядом; он смотрел на свои руки и старался как можно глубже упрятать лиловый шрам под обшлаг гвардейского мундира.

Ветров не был женат. Почему? Он никогда не отвечал на этот вопрос прямо; всегда приправлял свои слова какой-нибудь фривольной шуткой или историей, достойной современного французского романа. Подобного рода историй на памяти Ветрова было множество. Лугин догадывался о причине его холостого положения.

– О! Лугин! Наконец-то! Ты кончил портрет? Принес? Ну, давай, скорей показывай! – бесцеремонность Ветрова Лугина смутила. Портрет не был готов, имелся лишь набросок; в последнее время работать над ним у Лугина не было ни вдохновения, ни сил; он создал только эскиз, только голову, которую писал со слов Ветрова по своей фантазии.

– Нет, прости... Но я закончу, вот уже скоро...

Лугин смущенно посмотрел в глаза Ветрову: «Я к тебе вот, с чем...» Он рассказал о происшествии, случившемся с ним, стараясь не упустить мелочей.

– Да... – задумчиво протянул Ветров, – Надо ж.. Да... А вот случилась однажды со мной оказия... Стояли мы с полком...

Лугин знал наперёд, что сейчас последует полная чудес история, непременно с пикантными подробностями, какие в кругу военных вызывают громовой хохот и похвалу Ветрову за находчивость и сноровку. Лугин не был намерен слушать анекдот и рассказал ему о своем задуманном предприятии.

Ветров внимательно выслушал, а потом спросил: «Ты веришь в судьбу?»

5

Близилась полночь. Лугин ждал; на столе лежали два полуимпериала.

Вскоре явился старик. Как и прежде, он выиграл деньги и, шаркая туфлями, исчез во мраке гостиной. Следом растворилась девушка.

Лугина давно уже занимала не игра, а милый образ. С каждой новым визитом он становился всё более пленительным и земным, горячим и полным жизни. Лугин ясно различал её черты: прихотливо очерченную линию губ небольшого рта, точёный подбородок; тонкие брови, нежные ресницы, оттеняющие большие глаза, в которых таилась бескрайняя бездна. Он уловил их цвет: особый оттенок зелёного с движением к карему... Такого цвета бывает малахит очень редкой породы, с вкраплением золота. Глаза эти смотрели на него с нежностью и лаской, даря надежду и близкое счастье.

Лугин не испытывал томления. Уверенность в своей неказистости, которая ещё сильнее укрепилась из-за треволнений, не позволяла ему думать о чувстве. Он любовался ею как идеальной натурой, которая бы превратила загрунтованный холст в chef-d'œuvre.

В дверях гостиной появился Ветров:

– Ну, брат, это вовсе не *fantôme*! Признаюсь, я поначалу порядком струхнул, палец сам лег на курок... А потом гляжу – тень! Он тень оставляет! В окошко глянул месяц, и на полу отчетливо лежала его тень! Ну, думаю, против такого-то молодца я и сам не овца. А вот девица... Она порхнула мимо меня мотыльком... Одним дуновением... Неужто он водит сюда... мёртвую? Призрак? Но это мы разберём; я заметил, куда они пропали... Видимо, слева от окна есть какая-то потайная дверь, которую ты не заметил; а впрочем, толком и не искал. Пойдем, брат, спать – третий час пробило...

Лугин устроился в кресле, а Ветров постелил на полу шинель и устроился по-походному. Вскоре они уснули; Лугин тревожно, Ветров – безмятежно. Ничто, кроме декабрьского ветра в печной трубе не нарушало покойной тишины ночного приюта; но его не слышали.

Утром стена у окна была изучена тщательнейшим образом, но не найдено ничего, что указывало бы на её подвижность. Ветров недоуменно чесал в ухе:

– Чёрт! Я же наверное видел, как они исчезли в этом самом месте!..

Вечером они натянули перед дверью в гостиную длинную бечеву. Нельзя было выйти к роковому столу, не зацепившись за нее и не упав.

Ветров занял свою тайную позицию в гостиной, а Лугин стал ждать. Послышались шаги... Приближалось знакомое шарканье старческих ног. И вдруг на миг всё замерло; Лугин услышал, как будто кто-то уронил на пол вязанку дров. Тихий стон и женский вскрик донеслись из гостиной. Вслед за ними – изумленный голос Ветрова:

– *Sacrebleu! Nathalie!*¹

Лугин бросился в гостиную. В полумраке Ветров поднимал охающего старика. Здесь же была девушка, она участливо помогала Ветрову. Старика бережно усадили за столом, остальная компания расположилась подле. Ничего мистического не было в старике. Он утратил свой зловещий вид. Это был очень пожилой человек; лицо и руки его говорили о долгой жизни, полной лишений, страстей и, возможно, борьбы.

– Прошу вас, умоляю!.. Не обижайте нас... – старик судорожно поднёс ладонь к глазам, как будто заслонился от яркого света.

– Объяснитесь, – Лугин перевёл взгляд с девушки на старика. Ветров безотрывно смотрел на очаровательную полуночную гостью.

Они сидели до утренних сумерек. Старик поведал длинную историю о долгой жизни, в которой были и страсть, и борьба, и предательство. Он и его племянница Натали принадлежали к старинной родовой фамилии, указывать которую здесь нет необходимости, ибо её представители здравствуют по сию пору и имеют немалый вес в свете. Повесть старика была сбивчивой, и трудно было свести в единую линию многие события. Ясно было, что он потерял брата, чья малютка-дочь осталась у него на руках. Она не знала матери, так как та, оправившись после родов, сбежала с неким итальянцем, и где она теперь – одному Богу ведомо. Он рассказал, как оберегал её в этой жизненной скачке, согревал девочку своим сердцем; как она страдала от любви к кавалеристу-поручику, который мелькнул в её жизни, оставив о себе лишь смутную память да девичью надежду. Старик часто упоминал рок, который, по его словам, обволакивал их вязкой пеленой, увлекая в гибельную тьму.

– И вот, теперь мы... доскакали... – Старик умолк, и в комнате повисла тишина, которая была нарушена Ветровым:

– Ну, вы прямо-таки, как в том *Erlkönig*-е у Гёте!

– Ну да! Только там *das Kind war tot*; а здесь – *das Kind war lebt!*² – подхватил Лугин.

– И слава Богу! – Ветров не отрываясь смотрел на девушку. – А знаете, тем поручиком был я... И я искал вас всю жизнь...

– Я узнала вас, хоть и прошло немало времени... – лицо Натали залилось румянцем, – ещё вчера...

– Да, целых три года... Три года! Это же вечность!

– Но вы не рассказали главного... – Лугин испытующе смотрел на старика, – зачем вам было нужно все это?

Старик опустил голову и ответил с глухим смущением:

– Натали взрослая, ей пора замуж, но она бесприданница, хоть и славного рода. Кому нужна бесприданница? Мне рассказывали о вас как о добром, благородном человеке, талантливом художнике, амбициозном в искусстве, но не в жизни. Я хотел, чтобы Натали была вашей... Но вы сторонитесь женщин... Вот и было решено так вас, простите, увлечь...

– Решено вами?

– Это не имеет значения. Считайте: мной. Вы, как я вижу, обеднели от нашей с вами игры, – старик лукаво улыбнулся, – все ваши деньги целы, и вы их получите вместе с Натали, как приданое... Если вы, конечно...

– Ну, уж дудки! – вид Ветрова был таким, как будто бы он готовился взять приступом неприятельский редут. – Натали, вы забыли меня? Неужели ты забыла меня?!

¹ Черт поberi! Натали! (фр.)

² Ребёнок был мёртв... (нем); ребёнок был жив.. (искаж. нем.).

Снова повисла пауза, теперь уже неловкая. И старик, и Натали, и Ветров чувствовали себя обманутыми «коварным роком». Один Лугин оставался спокоен.

– Натали, Ветров – славный человек, и будет вам защитой и опорой не хуже самого Лесного царя. Я не могу нравиться женщинам; посмотрите на меня. А Ветров будет с вами счастлив... и вы с ним.

Он не успел договорить, как оказался в объятьях Ветрова:

– Ну, брат!.. – Благодарность гвардейца была шире океана, глаза его увлажнились, он готов был раздавить художника в своих могучих руках. – Пусть только какая-нибудь великосветская свинья посмеет тебя вызвать на поединок! Я приму на себя все твои сатисфакции, сколько б их ни было!

– Полно, Ветров, – Лугин был очень доволен, что вызвал такую бурю искренних чувств. – Я и не стрелял-то никогда. Но мы опять отделились от нашего предмета: как вы попадали сюда и куда пропадали?

– Да! Куда вы пропадали? – Ветров был заинтригован не меньше Лугина.

– Натали вам покажет... – Старик не скрывал своего счастья.

6

Наступало Рождество. Стояли великолепные дни: мороз и солнце. Снег весело хрустел и сиял золотом. Лугин не съехал из Столярного переулка, напротив, на возвращённые деньги купил новый шифоньер, удобный раздвижной мольберт, краски, холстов, грунтовки, ходики. Он вдохновенно работал, и заказчики были довольны его кистью. Не ладилось только с портретом Натали. Он, почему-то, стеснялся за него браться; всё время что-то останавливало его. И всё же он решился закончить портрет.

Пришлось серьёзно доработать эскиз – черты, описанные Ветровым, как их понял Лугин, сильно рознились с оригиналом. Лугин кропотливо поправлял линию глаз, подбородок, рот... Он так увлёкся, что не заметил, как наступила полночь, куковали ходики. Лугин не отходил от мольберта, занятый глазами Натали. И вдруг, помимо его воли, с каждым движением кисти лицо Натали стало меняться; искажались или, вернее сказать, исправлялись черты небесного образа; на месте ангельской невинности проявилось томное лицо красавицы, гордое, прекрасное своим холодным скульптурным великолепием, оживленное магнетическим взглядом малахитовых глаз.

– Минская... – прошептал Лугин.

Да, это была она. Ещё прекраснее, чем в натуре, в самом изысканном убранстве. Лугин долго смотрел на портрет. Ему хотелось увидеть ошибки линии, светотени; но в портрете все было безупречно.

– Господи! – чуть слышно прошептал он.

Лугин ещё спал, когда в дверь постучали. Дворник передал ему тонкий конверт, в котором было короткое письмо: «В шесть часов пополудни приходите...»; был указан адрес. Подписи не было, но Лугин легко узнал в почерке женскую руку. Одевшись как можно тщательнее, он шёл к указанному месту. У нужного ему дома стоял фэтон с поднятым верхом; его окликнул женский голос.

– Мсье Лугин, поднимайтесь же... – в голосе звучало наигранное раздражение. В фэтоне сидела Минская. Лугин был обескуражен. – А вы поправились, округлились... Как ваш сплин? Лица для вас не перестали быть желтыми?

– Почему вы? – Лугин был смущён. – И такое странное свидание...

– Примите это как невинный каприз, – она легко коснулась его руки. – Мне опять скучно. Вы можете меня развеселить? Расскажите что-нибудь...

– Боюсь, мой рассказ вас не потешит.

– Не решайте за женщину – мне судить, что меня потешит, а что – нет. Так же, как и то, может вас полюбить красивая дама или не может.

– И кто же эта дама?

– Хотя я. – Минская улыбнулась. В полумраке фэтона она была великолепна. – Ну что ж, не желаете... Как хотите. А вот мне есть, что рассказать вам. – Голос её был таинственен и лукав.

– Что же вы можете мне рассказать?

– Всё то, что не поведал вам старик. Я не буду томить вас, хотя очень хотела бы помучить исцеленного от сплина.

Лугин жадно повернул голову.

– Интересно? Ну, так знайте, это я... Я придумала весь этот фокус с карточной игрой, с вашей женитьбой, которая не случилась. Забавно, правда?

– Я за месяц постарел на годы...

– Зато теперь выглядите моложе...

– Зачем же вы это затеяли?

– Трудно сказать... Скука... А еще мне небезразлична судьба известной вам особы. Я... её мать.

Лугин был поражен:

– Мать?!

– Да. Не похожа? Желаете знать, почему я её бросила и до сих пор не хочу видеть? – она на секунду задумалась, – Это все Антонио... Антонио.

– А голос? Тот голос? Вы проникли в мой череп, в мой мозг! Как?!

– Это несложно, если умеешь... Впрочем, неважно.

– Вы и Ветрова учили?
 – Нет, Ветров появился для меня неожиданно и спутал все карты. Мне оставалось наблюдать; признаюсь, с удовольствием. Они теперь счастливы, вот ведь судьба...
 – Да, судьба, – отозвался Лугин.
 – А вы бы хотели быть счастливым?
 – Я счастлив; я независим, успешен... – Минская перебила его, – Нет, с женщиной; быть счастливым с женщиной, с красивой женщиной.
 – С кем же?
 – Хоть со мной!
 Лугин впервые за долгое время искренне улыбнулся:
 – Хотел бы!
 – Так в чем же дело? – Минская легко толкнула извозчика. – К дому князя В.! – а затем – Лугину:
 – Сегодня у князя музыкальный вечер, вы приглашены...

257 CM

У ВЕЧНЫХ

ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня;
 и чего я боялся, то и пришло ко мне.

Иов 3:25

1

Сегодня Мама решила, что нам нужно попросить еды в Городе.

Обычно мы все ездим в магазин вместе с ней. Мама выкатывает старый велосипед из-за угла дома, сажает Магду в корзинку, а Браника – на раму. Я сама уже могу залезать на багажник. В последний раз я соскользнула и поцарапала ногу. Обычно Мама ругается, когда я падаю, но тогда она ничего не сказала. Мне кажется, она даже не заметила того, что я плакала.

Маме тяжело везти нас всех. Магазин находится на верху улицы, и подниматься туда на велосипеде сложно. Но Мама старается. Она тяжело дышит, её старое платье в маленьких дырочках становится мокрым и сереет. Браник обычно цепляется за Мамины колени, и она еле шевелит ногами. Иногда мы бежим сзади. Мне это дается труднее, чем Маме, но я стараюсь изо всех сил, чтобы немного облегчить ей работу. Летом нам нравится бегать наперегонки, несмотря на то, что я устаю ещё быстрее, чем обычно, и не выигрываю из-за этого.

Пару дней назад Магда нашла в корзинке дохлую мышь. Она играла с ней до тех пор, пока Мама не заметила. Она закричала так, что Браник со страха упал с велосипеда и заплакал. Мама ударила его по щеке. Потом она попыталась отобрать у Магды мышь, но каждый раз отдергивала руку. Наконец она высадила Магду на землю рядом с Браником, сорвала с велосипеда корзинку и вытряхнула её в траву. Потом Мама ударила меня.

– Это вы сделали, – снова закричала она. Я отступила назад, но споткнулась о стоптанную туфлю. – Чертовы дети, это вы сделали!

На самом деле мышь подкинули мальчишки с улицы. Они всегда нас не любили, как и их родители. Они называют Маму страшным ругательным словом. Я не особо его понимаю, но знаю, что так нельзя говорить даже на того человека, который тебе очень сильно не нравится.

Сейчас Мама сидит над ведром с проросшей мягкой картошкой и скребёт по ней маленьким ножиком. Её платье спущено с плеч. Браник утыкается в некрасивую Мамину грудь и крутит пальчиками посиневшую кожу на ее руке. Мама поднимается, кладёт Браника на диван, поправляет платье и подходит к Папиному креслу. Она хромот, потому что несколько дней назад, ночью, наступила в ямку в земле и упала. Папа долго спрашивал у неё, где она была так поздно, но Мама лишь ответила, что она делает это ради всех нас. Потом Папа назвал её тем же самым словом, что и наши соседи. Мама заплакала. Они не знали, что я слышу их: им казалось, будто я сплю.

Мама становится прямо перед Папой и терпеливо ждёт, пока он отложит в сторону газету. Он никогда не делает этого, если не дочитывает её до конца, поэтому Маме приходится ждать достаточно долго. Наконец Папа снимает очки и смотрит на неё.

Из моего угла мне хорошо видны Папины глаза. Они тёмные, практически чёрные и очень страшные. У Мамы тоже бывают такие глаза, только когда они чернеют, она начинает визжать и царапаться. Правда, она давно уже не была такой, ведь Папа несколько раз приводил к нам домой какого-то дедушку в белом пальто. Он что-то давал Маме, и та успокаивалась. Дедушка давал каждому из нас конфету и гладил по голове. Малыши

всегда ждали его с нетерпением, и я тоже, но Папа запретил мне скакать вокруг дедушки и ждать от него подарка, потому что я старшая и могу только сказать «здравствуйте», принести ему стул и налить жидкости из Папиной стеклянной бутылки, от которой дедушка всегда отказывался.

Дедушка перестал приходить совсем недавно, потому что у Папы закончились деньги. В последний раз Папа долго кричал на дедушку и называл его странным словом «шарлатан». Я никогда раньше не слышала это слово, но мне кажется, что так тоже нельзя называть других людей. Дедушка в ответ пообещал прислать кого-то в наш дом, чтобы с Папой «разобрались», и ушёл. У двери он посмотрел на меня и пробормотал что-то себе под нос. Конфет мы в тот день так и не получили.

– Мне нужно съездить в Город, чтобы купить еды в запас, – говорит Мама.

Её платье на груди покрыто желтыми пятнами. В её волосах я замечаю большого жука.

– Ради Бога, – устало отвечает Папа и снова трёт переносицу. – Ради Бога. Ради Бога.

Я прислушиваюсь к этим словам. Раньше Папа говорил нам, что Бога не существует и что говорить такие слова – очень глупо. Тогда мы часто играли в младенца Иисуса и его мать, но за каждую такую игру Папа хлестал нас прутом, который потом он повесил на стену у входа. Этот прут пугал нас больше, чем Чудовище на Ходулях.

Оно всегда появляется за окном в определённое время дня. Его легко распознать по стуку, который издают его ходули, когда оно ходит по разбитой плитке в саду. Мы успеваем спрятаться до того, как оно свешивает свою голову и пристально смотрит в каждое окно. На это у него уходит не меньше часа. Браник кашляет от пыли, которой много под кроватью, поэтому ему не нравится прятаться. Однажды он закапризничал и вылез как раз тогда, когда Чудовище осматривало нашу комнату. Ему нельзя попадаться на глаза, поэтому теперь Браник кашляет чаще, и на его рубашке остаются тёмно-красные пятна.

– Я не доеду туда на велосипеде, – твёрдо говорит Мама. – Особенно если брать с собой *всех этих*.

Её тяжёлый взгляд упирается мне в спину, но я даже не дёргаюсь.

– Не бери, – отстранённо отвечает Папа. Он снова шуршит газетой, показывая, что ему неинтересен этот разговор.

– И с кем мне их оставить? – продолжает Мама.

Папа злится, когда после его запрета кто-то продолжает разговаривать. Мама поняла это после того, как её нос перестал принимать прежнюю форму. Но сейчас она не замолчала.

– С моей матерью, – говорит наконец Папа.

Мама кривится.

– С твоей матерью? – с отвращением повторяет она и сплёвывает прямо на пол.

Браник заходит в утробном плаче. Бабушка ненавидит девочек, а мальчиков просто не выносит. Если нас она не замечает, то Бранику всегда достаётся. В последний раз, несколько лет назад, когда Бранику не было ещё и года, она посадила его на цепь около собачьей будки и не разрешала кормить. Один раз нам удалось украсть обрезки моркови и отдать ему. После этого Мама больше не отвозила нас к Бабушке.

– Почему бы тебе тогда просто не сходить в магазин? – говорит Папа.

– Мне нужно в Город, – упрямо отвечает Мама. – В магазине слишком мало еды. Нам необходим запас. Ты знаешь, почему.

Мне становится интересно. Я ничего не спрашиваю, но Папа смотрит на меня, потом встаёт из кресла и даёт мне оплеуху. В ушах начинает звенеть. Папа и Мама уходят в кладовку, плотно закрыв за собой дверь, но я всё равно слышу их приглушённые голоса. Я не знаю, что должно случиться, но мне почему-то становится страшно. На смятом листе газеты, которую Папа уронил на пол, напечатана фотография самолётов с крестами.

Когда мы просыпаемся на следующий день, Мама уже нет дома. Папа как раз заканчивает бриться. Он всегда делает это, прежде чем уйти куда-то на несколько дней. Иногда мы не видим его неделями. В это время с нами всегда есть Мама, но теперь и она ушла.

– Когда ты вернёшься? – спрашиваю я, но Папа ничего не отвечает.

– Мы поедem к Бабушке? – спрашиваю я, когда он открывает дверь, чтобы выйти.

– Нет, – слышу я его голос. – Вы ей не нужны.

Мы весь день сидим на своих местах, боясь пошевелиться. Кажется, что Папа в любой момент может вернуться, и ему опять не понравится то, что мы заняты чем-то интересным. Скоро я начинаю слышать хорошо знакомый металлический звон в саду. На этот раз мы решаем спрятаться в шкафу. В маленькую щель я вижу, что мы забыли закрыть окно. Чудовище на Ходулях наклоняется, и мы слышим его тяжёлое дыхание. Когда мы тянем дверцу шкафа на себя, Чудовище тянет к нам свою когтистую лапу.

Младшие не замечают, что родителей нет до тех пор, пока не начинает темнеть. Я заглядываю в огромную чугунную кастрюлю, спрятанную за занавеской на подоконнике. Там подёрнутый плотной жирной плёнкой суп. Я тяну кастрюлю на себя и роняю её на пол. Нам приходится собирать крупно нарезанные куски картошки и вытирать огромную лужу старым маминым платьем. Кастрюля оставила в досках вмятину, и я закрываю её углом старого пыльного ковра.

Мы едим давно остывшую картошку. Магда отказывается, и никто из нас её не заставляет, хотя мы прекрасно знаем, что она проснётся ночью, будет плакать и просить есть. Браник давится картошкой и собственным кашлем. В какой-то момент нам кажется, что он задохнётся. Я думаю о том, что не буду грустить, если это всё же случится. Браника я не люблю больше всех.

Когда стоящая передо мной тарелка становится пустой, из глубокой трещины на ней вылезает паук. Я раздавливаю его ложкой. На его месте остаётся едва заметное пятно с тонкими ножками. Через несколько минут я смываю всё холодной водой. Она заканчивается, и это значит, что сегодня нам не удастся помыться. Я и так делаю это нечасто, поэтому мне всё равно.

Мы рано ложимся спать, потому что нам кажется, что так время пойдёт быстрее. Мы позволяем себе расположиться в родительской кровати, хоть и вздрагиваем от каждого дверного скрипа. Младшие засыпают сразу же. Я долго ещё слышу чужие голоса за окном и вижу мелькающие на стене тени.

Шум идёт из сада: там ещё осталось несколько яблонь с почти целым урожаем на ветках. Если бы Папа был дома, он бы стрелял из ружья, а потом долго ещё ходил туда-сюда, стуча по дорожке точно так же, как Чудовище на Ходулях. Мы не умеем обращаться с ружьём, поэтому нам остаётся только закрыть глаза и спать. Наутро я вижу из окна вырезанную на стволе яблони фразу «Спасибо, уроды!». Мне не обидно. Я знаю, что мы уроды.

Только на третий день мы решаемся выйти из дома, потому что съели всю еду. Сначала мы думаем добраться до магазина, но солнце светит слишком ярко, и Магда с Браником начинают плакать ещё до того, как мы выходим со двора. У нас грязная одежда и волосы, от которых пахнет пылью и сыростью. Мы решаем спуститься к реке: Мама не разрешает туда ходить, но там можно найти ягоды и искупаться.

На берегу мы замечаем мальчишек, которые подложили мышь Маме в корзинку. При виде нас они начинают свистеть и корчить рожи, поэтому мы ищем другое место. Приходится идти через высокую крапиву, которая очень сильно жётся. Браник нелепо отмахивается от комаров и падает в заросли. Его щёки сразу покрываются вздувшимися волдырями. Он ревёт и топает ногами, требуя вернуться домой. Мы не обращаем на него внимания и идём вперёд.

Где-то совсем близко слышатся голоса мальчишек, поэтому мы долго прячемся в колючих кустах недалеко от берега. На мой нос несколько раз садится жирный слепень, и я отгоняю его половиной лопухового листа. Магда ловит его и, смеясь, вставляет в него соломинку. В полёте эта конструкция выглядит забавно, и мы ещё долго смеёмся вместе с ней.

На реке мы долго оттираем грязь со щиколоток, стираем платье. Браника с нами нет, но я периодически вижу его светлую макушку, мелькающую за тонкими берёзами. Я снова представляю, как он спотыкается, падает со склона и разбивает голову о камни. Мне кажется, будто это происходит на самом деле, и от увиденного у меня захватывает дух.

Я смотрю на протянувшуюся по камням красную полоску и упускаю платье из рук. Его сразу же подхватывает течение и уносит вперёд. Платье цепляется за гонимую потоком ветку, и они вместе уходят под воду на очередном повороте. Обратно мне приходится идти без одежды. Когда мы подходим к дому, я чувствую, что из-за деревьев на меня смотрят мальчишки. Они молчат, но я отчётливо слышу свист и то самое слово, которым они всегда называют Маму. Браник уже сидит на крыльце, уткнув лицо в колени, и мы все вместе затаскиваем его в дом.

Мне удаётся найти в сарае старые Папины штаны и рубашку. Рубашку я подвязываю толстой верёвкой, штаны режу ржавым секатором. Мне обязательно попадёт, когда он вернётся, но я знаю, что это случится не скоро. Ещё мокрые волосы я подвязываю Маминой атласной лентой – это её единственное сокровище. Мы долго смеёмся над тем, как я выгляжу: в такой одежде я похожа на совсем не страшного Папу. Я нахмуриваю брови и говорю как можно более низким голосом: «К Бабушке хотите? А вы ей не нужны!» Мы продолжаем смеяться.

Чудовище на Ходулях не любит, когда кто-то смеётся, поэтому сегодня оно приходит раньше, но мы всё равно успеваем спрятаться. Браник не хочет слезать со стула, поэтому мы накрываем его скатертью и разбегаемся. В этот раз я сразу плотно закрываю дверцу шкафа, но слышу, как Магда тяжело дышит под кроватью. Чудовище не уходит до самой ночи, и я остаюсь спать в шкафу. Мне кажется, будто меня кто-то крепко обнимает.

Когда чувство голода становится совсем невыносимым, я вспоминаю про тётю Марту. Мама ругается, если мы берём что-то у неё, потому что её, как и нас, называют уродкой. Один глаз у неё полностью не видит, а второй похож на рыбий. От неё всегда пахнет тухлятиной, потому что она хранит трупы всех бродячих собак, которых подкармливает. Мы – такие же собаки, поэтому я иду к её дому.

Я не сразу решаюсь зайти, поэтому обхожу дом и заглядываю в окно, как Чудовище на Ходулях. Я вижу тётю Марту и человека в военной форме. Он что-то ей даёт и уходит вместе с внучкой тёти Марты. Она ничего не слышит и никогда не разговаривает. Тётя Марта прячет то, что ей дали, в карман и замечает меня.

Мне приходится подождать. Тётя Марта выпускает меня в дом через какое-то время, за которое я успеваю увидеть, как один из её псов лениво пережевывает пробегающих мимо цыплят.

– Нам нужна еда, – говорю я.

Тётя Марта улыбается. Человек в форме появляется за её спиной и пристально смотрит на меня. Я думаю о том, что у него красивые глаза.

– Еду можно заработать, – отвечает она.

Человек в форме смеётся.

– Мы ещё маленькие, – говорю я. – Мы не можем работать.

Тётя Марта и Человек в форме переглядываются. Он едва заметно качает головой.

– Ладно, – говорит тётя Марта. – Сейчас я дам тебе еды.

Она приносит целую корзину, от которой тянет теплом. Я не знаю, что там, но и этого достаточно. Я говорю спасибо и разворачиваюсь к двери, но Человек в форме останавливает меня. Он протягивает мне что-то длинное в рваной пёстрой обёртке и снова смеётся.

Дома мы первым делом исследуем его подарок. Это оказывается конфета. Последний раз мы видели такую, когда к Маме приходил дедушка. Я аккуратно делю её ножом, и каждому достаётся по кусочку. Браник отказывается есть. В корзинку тёти Марты мы не смотрим, и я ставлю её в тень, чтобы ничего не испортилось, – так всегда делает Мама.

Сегодня я прячусь от Чудовища на Ходулях под кроватью вместе с Магдой, но мне не страшно, потому что я вспоминаю глаза Человека в форме.

Несколько дней подряд мы слышим, как где-то вдалеке гремит гром, но небо по-прежнему светлое, и дождь так и не начинается. Магда говорит, что по улице идут солдаты. Я пытаюсь разглядеть их в окно, но оно слишком грязное. Мы выходим во двор. Мимо нас проходит несколько десятков грязных сапог, высоко поднимая дорожную пыль. За ними бегут мальчишки – они настолько заинтересованы, что даже не смотрят в нашу сторону. Я благодарю Бога за это, хотя и не совсем понимаю, что это значит.

Вскоре мы узнаём, что недалеко от деревни все солдаты были убиты. Все дети ходят через лес, чтобы посмотреть на мертвецов. Мы тоже решаем сходить. Браник остаётся дома, потому что ему больше нравится сидеть на своём стуле под старой скатертью. Я всё ещё хожу в Папиной одежде, поэтому мне не так страшна крапива, как раньше.

В лесу мы находим пустую медвежью берлогу. Магда хочет залезть внутрь, и мы долго спорим из-за этого. Время проходит, и мы добираемся до поля, когда солнце уже начинает заходить. Я чувствую сладкий запах – так же пахнет от тёти Марты. В мёртвых телах нет ничего интересного, но мы замечаем ещё живого солдата. У него нет нижней части туловища, но его глаза открыты. Я наклоняюсь к нему и слышу, что он просит пить. Мы бежим обратно домой, чтобы принести ему лейку с настоявшейся водой. Когда мы возвращаемся, он уже не дышит. Я поливаю из лейки примятые телами цветы, чтобы им было лучше расти.

Каждый день мы слышим гром. Солнце продолжает светить. Мы думаем, что оно не хочет уступать место тучам, поэтому дождя и нет. Ночью по дороге проползает несколько незнакомых рычащих существ. Мы решаем, что в деревне завелось ещё несколько чудовищ, поэтому радуемся, что со стороны дороги нашего дома не видно.

Многие наши соседи покидают деревню. Их дома пустуют, все вещи стоят на прежних местах. Мы залезаем в один из них, разбив окно. Я вытаскиваю из большого шкафа оставшуюся одежду, Магда складывает в корзину тёти Марты слегка подгнившие яблоки. Я понимаю, что это те, которые были украдены из нашего сада. Мы забираем посуду и тёплые одеяла. В другие дома мы не идём, потому что там уже кто-то есть.

Тётя Марта теперь часто зовёт нас к себе. Она тоже собирается уезжать и отдаёт нам запасы еды из своего погреба. Я не знаю, почему она так поступает, но не решаюсь спросить. Мне пришлось остричь свои волосы, потому что я не умею их расчёсывать, и теперь я похожа на мальчика. Когда я вижу в доме тёти Марты Человека в форме, я не захожу внутрь, потому что не хочу, чтобы он видел меня. Мне кажется, что его должны окружать такие красивые девочки, как внучка тёти Марты. Нам рядом с ним нет места.

Тётя Марта смеётся, когда видит, что я прячусь за уже пустой собачьей будкой, но не говорит Человеку в форме, что я здесь. Я чувствую себя благодарной и приношу ей маленького щенка, но дверь дома тёти Марты заколочена широкими досками. Щенка мы оставляем себе. На следующее утро он сбегает. Вскоре мы замечаем, как мальчишки раскладывают его внутренности в рытвинах на дороге. Вечером я подбираю их и жарю вместе с грибами и картошкой, которые нам дала тётя Марта. Мы знаем, что это неправильно, но другого мяса ни у кого уже нет. Ночью мы видим, что Чудовище на Ходулях минует наш дом и пригибается к окровавленной земле.

Жизнь без Мамы и Папы оказывается не такой страшной, как нам казалось раньше. Мы уже не помним, как они выглядят. Старую Папину рубашку мы надеваем на огородное пугало, а штаны используем в качестве половой тряпки. Однажды я нахожу в тайнике в углу поросшие пылью вязальные спицы и спутанный комочек ниток. Я вспоминаю, что иногда Мама вязала – в такие моменты она становилась особенно мягкой и даже прижимала каждого из нас к себе. Я выбрасываю нитки, а спицы прячу на подоконнике за большой кастрюлей. Они ещё острые, и я думаю, что они мне пригодятся.

Дома чем-то отвратительно пахнет, прямо как у тёти Марты, но постепенно мы к этому привыкаем. Разные запахи преследуют нас с самого детства, и новый – терпкий, сладкий, щекочущий нос – становится неотъемлемой частью дома. Он проникает во все щели, оседает на одежде, и даже когда я выливаю на себя воду из старого поржавевшего ведра, мне кажется, что и она едва уловимо пахнет сырой гнилью.

Когда деревья полностью становятся голыми, к нам неожиданно приходит Бабушка. Она никогда не выходит из своего дома, поэтому мы думаем, что это кто-то чужой и не пускаем её внутрь. Она кричит, что мы ответим за это. У неё практически нет волос, а глаза напоминают заросший пруд недалеко от нашего дома. Бабушка что-то долго ищет в шкафу и под матрасом, а потом долго ругается, повторяя одни и те же плохие слова.

Когда Магда проходит мимо, она отвешивает ей оплеуху, а затем начинает бить её ногами. Магда кричит и закрывает руками лицо, но Бабушкин ботинок всё равно попадает по её носу. Кровь заливает щёки и рот Магды, крупными каплями попадает на пол. Я вспоминаю про острые спицы, но не успеваю ничего сделать. Бабушка отряхивает руки, недолго смотрит на нас и уходит. Какое-то время мы ещё слышим её грубый голос в саду.

Сначала я не притрагиваюсь к Магде, но вижу, что ей становится плохо. Я помогаю ей встать и вытираю кровь тряпкой. Носа у неё практически нет – я вижу только кровавую кашу. Магда трясётся и отрывисто дышит ртом. Я пытаюсь вспомнить, что делала Мама, когда мы разбивали локти и колени, и бегу к маленькому шкафчику на кухне.

Обычно Мама достаёт небольшой флакончик с прозрачной жидкостью, но теперь там почему-то стоит полупустая бутылка, из которой всегда пьёт Папа. Я нюхаю её и морщусь – изнутри пахнет почти так же, как пахло то, чем Мама вытирала наши колени. Я возвращаюсь к Магде и лью на её лицо жидкость из Папиной бутылки. Она вопит, падает на пол и прикладывает ладони к щекам. В эту ночь мы не спим, потому что Магда практически всё время плачет.

Бабушка больше не приходит. Мы видим её только один раз, когда все вместе собираемся в магазин. Дорога теперь разрыта, и мы не можем ехать на велосипеде, поэтому приходится идти пешком. Мы специально проходим мимо дома Бабушки: она сидит около крыльца, сложив руки на коленях. Губы её шевелятся, но мы ничего не слышим. Когда она нас замечает, то недолго молчит, а потом разражается громкими ругательствами. В меня летят крупные камни. Мы подхватываем их и кидаем обратно. Один попадает Бабушке в лоб, из крупной ссадины течёт кровь. Я слышу довольный клич Магды, и мы уходим.

Магазин – это обычный дом, похожий на наш. Но внутри нет ни кровати, ни шкафа, ни кухонного стола. Есть только полки, на которых стоят продукты. Сначала я хочу постучать в дверь, но мы решаем сделать, как Мама, и грубо её открываем. Старуха, которая и раньше продавала нам продукты, смотрит на нас. Её лицо похоже на печёную на костре картошку: оно такое же тёмное и сморщенное. От неё, кажется, даже пахнет землёй и углями.

– Дайте нам три свежих огурца и десяток яиц, – говорю я, подойдя к прилавку. Думаю немного и добавляю: – И бутылку с мутной вонючей жидкостью.

Старуха недолго смотрит на нас, а потом начинает хохотать. Её смех напоминает шатающуюся на ветру скрипучую калитку на заднем дворе нашего дома. Она давится им и кашляет – несколько капель густой слюны попадает на мою ладонь, – а потом спрашивает:

– Деньги принесли?

Я удивляюсь, оглядываюсь на остальных. Они пожимают плечами.

– Нет, – неуверенно отвечаю я.

– Тогда уходите отсюда, – говорит старуха. – Проваливайте!

Её лицо становится совсем безумным. Единственный глаз бешено вращается. Я пячусь к двери.

– Но ведь... Мама... – говорю я.

Почему-то на язык выпрыгивают именно эти жалобные слова.

Старуха опять хохочет.

– Мама? Знаю я вашу маму. Та ещё шалава, – отвечает она. – Сколько мужчин у неё было? Вся деревня, поди. Она тоже никогда денег не приносила, другим расплачивалась с моими сыновьями, да только умерли они уже. Василя Борис убил и свиньям кинул, а сам застрелился из отцовского ружья. Были бы живы, вы бы получили свои огурцы. А так проваливайте отсюда!

Краем глаза я замечаю, что Магда, присев на корточки, аккуратно перекладывает помятые овощи с одной из полок себе в фартук. Старуха слишком занята грубой руганью, чтобы обратить на это внимание. Я стаскиваю с прилавка остро заточенный нож.

Тонкий луч света отражается от лезвия и светит прямо в лицо старухе. Она замирает, медленно багровеет и взрывается очередным воплем. Её тонкие, покрытые язвами босые ноги путаются в длинной рваной юбке; она делает несколько шагов и падает. Я вонзаю нож в сгнившие половые доски рядом с её ладонью. Лезвие задевает кожу, и из моментально появившейся ранки выступает густая тёмная кровь. Старуха визжит.

– Три огурца и десяток яиц, – в один голос говорим мы.

Старуха задыхается. Из её груди исходит протяжный жалобный свист. Мы обыскиваем все полки, пока она корчится на полу. Я нахожу яйца. Магда сваливает в фартук гладкие, блестящие на солнце огурцы. Когда мы выходим из дома, старуха перестаёт двигаться. На улице уже совсем темно, и мы спешим к себе, чтобы Чудовище на Ходулях не поймало нас.

Десятка яиц нам хватает надолго. Мы не голодаем, потому что едим совсем мало. Людей в деревне становится всё меньше, но в нашем саду всё ещё кто-то ходит, несмотря на то, что скоро наступит зима. Мальчишки, периодически бросающие камни в наши окна, почти все здесь. Одного из них, самого старшего, недавно задрал медведь. Он обижал нас больше всех, поэтому мы с радостью наблюдали за тем, как его мать прижимает к себе окровавленные куски мяса. На следующий день она болтается на березе недалеко от нашего дома. Мы отрываем подол её платья, чтобы вечером протереть им запylённые окна.

Я часто думаю о родителях, поэтому совершенно не удивляюсь, когда Папа возвращается домой. Он не похож на того Папу, которого мы помним, но мы всё равно ему рады. У него острый подбородок, впавшие щёки и больные опухшие глаза. Он выглядит, как живой скелет, когда медленно заходит в прихожую и окидывает нас всех взглядом. Когда Папа смотрит на Браника, прячущегося под скатертью, глаза его расширяются.

– Что это за чертовщина?! – орёт он так, что лампочка под потолком начинает тонко звенеть.

– Бранимир, – от неожиданности называю я полное имя брата.

Папа наливается краской точно так же, как старуха из магазина.

– Бранимир? – вопрошает он, подскакивая к стулу. – Бранимир?!

Он сдёргивает скатерть с головы Браника. На пол падает несколько десятков белых личинок. Кожа у Браника тёмная, почти чёрная, и сухая. Сладковатый запах становится сильнее, и я резко чихаю. Браник смотрит на нас пустыми глазницами, оскалив маленькие пожелтевшие зубы.

Я не помню, что происходит после этого. Кажется, проходит несколько часов перед тем, как я вижу, что Папа выходит в сад с продолговатым свёртком. Он долго пытается вскопать промёрзшую землю старой лопатой, вытирает крупные капли пота со лба. Ещё через какое-то время у него всё-таки получается сделать яму. Он кладёт туда свёрток, выпрямляется и делает странное движение рукой ото лба к подбородку и слева направо. Мы наблюдаем за ним из разбитого окна.

Папа долго сидит в саду перед небольшим холмиком и возвращается домой только под вечер. Он долго смотрит на нас, нервно ломает длинные худые пальцы.

– Как это произошло? – хрипло спрашивает он.

Мы переглядываемся. Я пожимаю плечами.

Папа прерывисто смеётся.

– Вы должны знать, – говорит он. – Вы были с ним всё это время. Были же?

Я вспоминаю тот день, когда мы ходили на речку, и кровавые разводы на прибрежных камнях. Но молчу.

Папа смотрит на меня.

– Сколько вам лет? – неожиданно спрашивает он.

– Не знаю, – отвечаю я.

Папа загибает пальцы.

– Тринадцать... Нет, четырнадцать. – Он смотрит на притаившуюся под столом Магду. – Ей шесть. Бранимиру... – Он запинается. – Было четыре. Не справитесь. Наверняка не справитесь. Девчонкам будет сложно. В такое-то время... – Он качает головой.

Мы совершенно не понимаем, что Папа имеет в виду. Он поднимается со стула и, заложив руки за спину, ходит взад-вперёд по комнате. Так продолжается до тех пор, пока не наступает глубокая ночь. Сегодня мы все вместе ложимся в кровать, потому что Чудовище на Ходулях так и не появляется.

Каждый раз, когда я смотрю на грязную зеркальную стенку шкафа, за отцовскими инструментами и парой кружек я вижу ещё одну девочку рядом со мной. У неё моё лицо и такие же светлые волосы. Она улыбается в то же самое время и поднимает руку, когда я ей машу. Когда я отохожу от шкафа, она продолжает на меня смотреть, и я вижу в этом взгляде ненависть.

С каждым днём моё тело меняется всё больше. Я вижу это и чувствую, но мне кажется, что чего-то всё равно не хватает, словно бы у меня отняли руку или ногу. У меня есть большой шрам на правом боку, и каждый раз, когда я на него смотрю, я ощущаю эту странную пустоту.

ВОСПОМИНАНИЯ

АЛЕКСАНДР КОЗИН

ДЕНЬ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ

Хроника

1

Отряд имени двухсот второй годовщины взятия Бастилии парижскими коммунарами

Мы наш, мы новый мир построим...

Э. Потье

Практика в детском летнем лагере – неотъемлемая часть учебной программы педагогического института. «Дети – это особый мир чистоты и правды. Ребенок – личность уникальная, самобытная, не зараженная пороками взрослых. Будьте внимательны и бережны к ребёнку, будьте с ним искренни и открыты, и ребёнок ответит вам тем же, ибо ребёнок чист...» – говорили педагоги, напутствуя нас на это «святое дело».

Мы боялись детей, сами не зная, почему. Может быть, потому, что сами во многом были детьми, сохранив восторженность, духовную чистоту и открытость миру. Дети в наших глазах были потенциальными взрослыми, ещё не раскрывшимися, опасными своими неопределенностью и непредсказуемостью. Взрослых мы боялись меньше, чем детей.

Приехали дети. Вечером во всех отрядах устраивалась традиционная «свечка» – посиделки в темноте с одной только горящей свечой, передаваемой из рук в руки. Каждый, кто держал свечку, называл свои имя, фамилию, увлечения, одним словом, то, что считал нужным для знакомства с ребятами отряда, а затем передавал её другому. Процедура симпатичная, романтическая. Все знакомились под волнующий дрожащий огонёк, а затем придумывали имя отряду.

Многих ребят я знал, так как приехал в лагерь второй раз. Первое моё «вожатство» проходило год назад. То была обязательная педагогическая практика – дело, как говорится, добровольно-принудительное. Теперь же я, как и большинство моих сокурсников, очутился здесь по своей воле – слишком сильной оказалась привязанность к «пионерам», как по старинке называли детей.

Итак, мы придумывали имя отряду. Никаких руководств не ведали. Была полная свобода фантазии, благо, Перестройка уверенно шагала по стране (шёл 1991 год), освобождая советское сознание от закостенелых догм и формулировок. В нашем лагере «Звёздочки», «Тимуровцы» и тому подобное остались лишь у «малышей» – 7–10 отрядов – дошкольников и первоклашек. Более старшие отряды оригинальничали как душе их было угодно, против чего начальство не возражало. В прошлом году наш отряд назывался «Кирпич». Мы выгодно выделялись на фоне менее смелых названий. Речёвка «Ты, кирпич, лети, лети, всё сметая на пути!» тоже пользовалась успехом. Вслед за нами появились «Вилка», «Сапог»... Во второй смене, учитывая удавшийся опыт, мы пошли вспять и назвали отряд «Имени двухсот первой годовщины взятия Бастилии парижскими коммунарами» – кто-то вспомнил имя красногвардейского отряда из фильма «Бумбараш». Всем нравилось столь длинное и мудрёное название. Мы и флаг себе придумали: французский триколор с цифрой 201, расположенной в центре белой вертикальной полосы. Именно тогда возникла идея революции – перехода к общелагерному мероприятию «День самоуправления» посредством восстания. Но переворот тогда не свершился в силу многих причин: друг друга мы знали плохо, побаивались реакции начальника лагеря, да и плана мероприятия не составили. В тот год День самоуправления прошёл традиционно, можно сказать, рутинно.

Теперь было другое дело. В нынешнем только что наступившем июле, «свечка» проходила шумно, без романтического ореола. Почти все друг друга знали. Познакомившись с несколькими новичками, мы, не мудрствуя лукаво, назвали отряд «Имени двухсот второй годовщины взятия Бастилии парижскими коммунарами» и разошлись спать, занятые идеей революции.

Мысль о мятеже была воспринята вожатыми других отрядов с энтузиазмом. В первой половине смены все только и говорили о грядущей революции. Этому способствовала сама атмосфера лагеря. Всюду витал какой-то дух свободы, раскрепощённости.

Начальник лагеря, Павел Николаевич Марков, был деспотом, но отнюдь не самодуром, а, напротив, человеком здравомыслящим и замечательно знающим свое дело. Как начальник, он первыми своими задачами, как и задачами вожатых, считал:

– чтоб дети были целы;

- чтоб дети были здоровы;
- чтоб дети были сыты;
- чтоб дети не скучали.

Он полагался на профессионализм, нравственность и авторитет вожатых, многие из которых были из нашего, педагогического вуза. Он легко шёл на компромисс, даже на авантюру, если был уверен, что здоровью и жизни детей никакая опасность не угрожает. Вожатые из кожи вон лезли, чтобы сделать то или иное стандартное мероприятие нестандартным. И очень многое получалось. Фантазия, интеллект, артистизм делали своё дело. Иначе говоря, в лагере было ХОРОШО. Другого лагеря, другой жизни никто не хотел. На моё предложение совершить революцию Павел Николаевич дал добро. Оставалось лишь набросать план мероприятия и воплотить его в жизнь.

Дата нашей «революции» была известна – 14 июля 1991 года. В ночь с 11 на 12 июля был созван «Совет», чтобы обсудить план восстания.

2

План восстания

Я

планов наших

люблю громодье...

В.В. Маяковский

После отбоя мы собрались в одной из вожатских. Пили чай. Согласия среди «заговорщиков» не было. Практически все представляли себе День взятия Бастилии чем-то вроде «Зарницы», военно-спортивной игры, ежегодно проводимой в школах. Вспоминали знакомые нюансы «Зарницы». Алгоритм игры под названием «Революция» намечался так: «битва», награждение победителей, обед, вечерняя линейка, дискотека, отбой. Я предложил разжечь большой пионерский костёр. Поддержали. Но всё равно хотелось чего-то большего. Хотелось Истории, чтобы эта игра была чем-то особенным, запоминающимся. В ходе споров приглушёнными голосами постепенно стали вырисовываться контуры Великой французской революции. В шутку раздали себе «титулы»: Робеспьер, Дантон, Марат... Больше всех игрой был увлечён вожатый спортотряда Алексей Власов, студент философского факультета. Он был одним из первых, кто «загорелся» идеей восстания, стал вдохновителем переворота. На фоне других вожатых Алексей казался непроходимо мрачным. В то время, когда все шутили, спорили, Власов сосредоточенно мыслил. В моменты пауз он поднимал палец и с воодушевлённым, почти маниакальным выражением лица произносил: «Надо определить тюрьму!»

– Зачем? – как бы очнувшись от игр, мы, удивлённые, спрашивали его.

– Чтобы сажать, содержать под стражей.

– Кого?

– Непокорных и недовольных.

– Ладно, тюрьма так тюрьма, играем ведь, – соглашались мы.

Возобновлялся спор о различных частностях и мелочах. И опять Власов:

– Возле столовой нужно повесить петли.

– Какие петли?

– Пеньковые.

– Для чего?

– Для устрашения.

Петли так петли – играем ведь... Решили жесть костёр после обеда, вместо тихого часа (должны же быть какие-то революционные преобразования). Отменили на 14-е тихий час. И снова Власов:

– Надо придумать, как мы будем друг к другу обращаться.

С этим было проще. Теперь мы уже играли в Великую французскую революцию, а значит, и обращаться друг к другу должны, как якобинцы: *граждане*. Постепенно мы осознали, что революция костром не кончится, что романтично начавшийся День самоуправления придётся оборвать пошлой фразой: «А теперь – все на ужин!» Этого допустить было нельзя. Хотелось, чтобы революция закончилась сама по себе реставрацией. Но расстановка революционных сил и правительственных войск была такова, что у последних не было никакого шанса победить. Наиболее боеспособными были отряды: 1-й, 2-й, спортотряд. Все до корней волос революционные. 3-й и 4-й – правительственные войска, «роялисты» – маловозрастные и малочисленные. 5-й и 6-й отряды – мещане, обыватели, современники действия – революция устраивалась *как бы* в их интересах. 7-й, 8-й, 9-й и 10-й отряды – «малышовка» – санитары, люди с неограниченными правами, неприкосновенные. Они должны были доставлять в «лазарет» (корпус малышей) «раненых» и «убитых», где вожатые пришили бы им новый погон. (Целый погон – жив, надорванный – ранен, оторванный – убит). О костре забыли. Стали думать,

как достигнуть баланса сил после удачного (в этом никто не сомневался) штурма Бастилии (Административного корпуса).

Предлагали внезапность, всевозможные обходные манёвры (вожатый 3-го отряда, Валера Гнеденко, «афганец», потерявший на войне ноги, знал толк в тактике). Но всё равно уверенности в победе правительственных войск не было, а она должна была быть полной. И вдруг осенило: И З М Е Н А! Трудно сказать, кто первый высказал эту гениальную мысль. Стало даже как-то не по себе: до чего легко, просто, подло и исторически верно! Договорились, что 2-й отряд после штурма перейдёт на сторону правительственных войск и вместе с ними, «подштопанными» в укрытии, атакует революционеров. Вожатые 2-го отряда Дима и Лена любезно согласились предать революцию (играем ведь).

Оставалось нарезать бумажных погон: «революционерам» – сине-бело-красных, защитникам «Бастилии» – белых, «мещанам» – красных. Малышам решили на лбах рисовать гуашью небольшие красные кресты. Определить дислокацию правительственных войск после штурма взялся Валера. Назавтра, то есть на 13 июля, в «боевых отрядах» запланировали тактические учения. В итоге чёткого плана мы не утвердили, как не подумали о детях-защитниках «старого режима». «Белым» предстояло только воевать. Наслаждаться «благами революции» – игротекой, видеозалом, бассейном им было просто некогда. С тем «заговорщики» разошлись.

3

Перед восстанием

День 13 июля прошёл спокойно: зарядка, линейка, завтрак, эстафета, обед, тихий час, занятия в кружках, линейка, ужин.

Революция готовилась урывками. Несмотря на это, подготовка к грядущему восстанию была самым важным делом и шла полным ходом. Девушки-вожатые организовали изготовление погон, юноши-вожатые – всякого рода оружия и заготовку боеприпасов. Кто-то искал в фонотеке клуба революционные песни, кто-то собирал сосновые шишки-патроны, кто-то под видом увлекательной игры рыл напротив Административного корпуса неглубокие окопы. Мы с Валерой конструировали для обороняющихся «белых» анахроническое оружие – пулемёт (играем ведь). «С ним всегда как-то спокойнее», – в шутку говорил Валера. Наш пулемёт ничем не стрелял, но вид имел внушительный. Он чем-то напоминал «максим» европейского образца времён Первой Мировой войны – вместо привычных колёс опорой ему служил станок в виде треноги.

После ужина лагерь обезлюдел. Начальник в недоумении ходил по территории, задавая всякому редкому встречному один и тот же вопрос: «Где все?» Не получив ни одного вразумительного ответа, он пошел к границе лагеря. Вскоре перед ним предстал весь недостающий контингент. На заброшенном совхозном поле по командам вожатых дети строились, рассчитывались, расходились, разворачивались в цепь, выполняли команду «ложись». Довольный и умиротворенный тем, что в лагере *все спокойно*, Павел Николаевич пошёл спать.

14 июля 1991 года весь день шёл проливной дождь. Ни о какой революции не могло быть речи. Понемногу страсти о перевороте улеглись. Сама подготовка ко Дню взятия Бастилии вспоминалась как увлекательное состязание. Но спустя несколько дней произошло событие, которое вновь разбудило и всколыхнуло почти потухший огонёк идеи Революции.

Мало кто мог предположить, во что выльется тривиальное ЧП – у медсестёр кто-то украл два блока сигарет. Медсёстры, подумав на пионеров, в отсутствие оных досмотрели чемоданы 1-го и 2-го отрядов. Взять они, разумеется, ничего не взяли, но дети заметили, что в их вещах кто-то копался. Возмущению пионеров не было предела. Здесь-то идея восстания вновь обрела свои плоть и кровь. Обыск явился достойным поводом, *искрой*. Говоря словами классика, промедление было смерти подобно. На 21 июля было назначено выступление.

4

Штурм Бастилии

...И вот началось... Страшно и весело...

Л.Н. Толстой «Война и мир»

Утром 21 июля 1991 года вожатые были готовы к проведению Дня самоуправления. Детям во избежание паники решили ничего не говорить. На зарядку не пошли – пришивали погоны. Чтобы предупредить физруков об отмене зарядки, должны были быть посланы гонцы. Гонцы посланы не были. Физруки возмутились и затаили обиду и злобу. Успели лишь предупредить персонал столовой, что завтрак состоится не после, а до линейки; да еще попросили радистов вместо привычной «Песни горна...», под которую всегда ходили на линейку, завести что-нибудь революционное, материал у них уже был.

Выстроившиеся поотрядно дети, смутно догадываясь о начале игры в революцию, с беспокойством поглядывали друг на друга, на различные цвета погон. Зазвучал марш, но не тот, к которому все привыкли,

иной: «Мы же-ертво-о-о-ю паааа-ли в борь-бе ро-ко-вой!..» Пионеры недоумевали. В ногу идти было трудно. Со всех сторон зазвучали команды: «Сбить ногу! Идти вольно!» Ещё большее волнение у «пионеров» вызвало то, что все отряды прошествовали мимо линейки прямо в столовую. Сидя за столами, «трёхцветные» поглядывали на «белых» с видом хищников; «белые» – на «трёхцветных» – героически-затравленно; «красные» всех донимали вопросами, ибо их функция в этом маскараде им не была ясна вовсе. Лишь в «малышовке» всё было торжественно и радостно, как перед Новогодней ёлкой. «Белые» из столовой ушли первыми – занимать позиции перед Административным корпусом. Остальных пионеров вывели на линейку.

На плацу отряды расположились не привычным периметром, а сразу встали в боевые порядки. Головы колонн были направлены к Административному корпусу. Если бы была возможность посмотреть на них сверху, то всякий бы отметил, что отрядные колонны напоминали собой стрелы веера, остриё которого было направлено на «Бастилию». «Малышовка», изогнувшись дугой, стояла прямо под трибуной и как бы венчала собой «веер». «Красные» скромной кучей жались в стороне.

Началось действо. Мы (то есть большинство вожатых) думали, что о назревающей революции предупреждены все. Оказалось, что нет. О смуте не знал дежурный по лагерю вожатый 5-го отряда Сергей. Подойдя к микрофону, он к безнаказанной радости воинственно настроенных революционных войск наивно спросил:

– Чего это вы так встали?

Терять время было нельзя. Власов вышел к микрофону и заявил, что с этого момента власть принадлежит Комитету Спасения³ и что дежурный по лагерю освобождается от своих полномочий. Сергей смекнул, в чём дело, и геройствовать не стал: здесь же уступил требованиям новой власти. Войска ликовали.

Затем на трибуну вышел я и иступлённым голосом призвал к штурму «оплота тирании». Колонны дрогнули и в ногу (!), одна за другой, можно без преувеличения сказать, печатающая шаг, двинулись к Административному корпусу. Нужно отдать должное нашим «тактическим учениям» и строевой подготовке, которая нередко проводилась с пионерами на линейном плацу в качестве наказания за то или иное отрядное прегрешение. Каждый был на своём месте и знал, куда ему следует идти или бежать по той или иной команде. После команды: «В цепь!» направляющие колонн на секунду замерли, чтобы дать возможность позади стоящим развернуться в линию: первым номерам направо, вторым – налево. Через считанные секунды колонны поочередно превратились в стройные цепи, слегка вогнутые внутрь. Торжественности добавлял развевающийся французский триколор и «Марсельеза», во всю мощь звучавшая из репродукторов.

Мы наступали непрерывно, цепями: 1-я линия – 1-й отряд; 2-я – 2-й. Цепь спортотряда заходила противнику в левый фланг. Вскоре послышались звуки «битвы». «Правительственные войска» держались героически. Первую цепь наступавших они встретили задорным «Ура!». В «санкюлотов» полетели шишки, прутья. Последовала контратака «белых». Однако малорослым защитникам «старого режима» было не под силу тягаться с полусформировавшимися подростками. Прошло меньше минуты, и контратака «белых» захлебнулась. Пока наша вторая цепь «добивала» не желавших сдаваться в плен, первая линия обратила в бегство немногих «оставшихся в живых». Спортотряд преследовал их практически до границы лагеря. Там вожатые 3 и 4 отрядов Валера и Марина построили своих «убитых и раненых» и организованной колонной увели в близлежащий лес «на излечение».

Путь к «Оплоту тирании» был свободен. Ворвавшись в холл Административного корпуса, мы разметали группу оставленных часовых и устремились к лестнице, ведущей на крышу. Люк был заперт. Я попытался его открыть, на меня посыпался песок: забаррикадировали знатно. С нашей стороны в адрес тех, кто был наверху, полетели угрозы. В ответ – смех и злорадные шутки. Мы предложили взамен за пропуск на крышу сохранить им «жизнь». В ответ – снова смех. Я изо всех сил стал трясти люк и, осыпаясь песком, изрыгал почти что нецензурные проклятья. Вскоре с люка убрали что-то тяжёлое, и он под моим напором подался вверх. «Белые» (их было человека 3–4) бросились врассыпную. Пока я с моим «ординарцем» водружал на крыше революционный флаг, взобравшиеся «повстанцы»

загнали немногочисленных защитников этого последнего рубежа «старого мира» в угол, где и «прикончили» на месте.

³ В ходе подготовки к «революции» был избран Комитет Спасения – главный законодательный и исполнительный орган революционного правительства (идея Власова). Он должен был в себя включать 5 или 7 человек – вожатых революционных отрядов (Светлана Гук, Наталья Попова, я (1 отряд); Дмитрий Малышев, Елена Зайцева (2 отряд); Алексей Власов (спортотряд) и кто-то из пионеров).

Поглядев с крыши вниз, я увидел ликующую толпу. Больше всех веселились «малыши» и «мещане». «А теперь все на митинг!» – заорал я не своим голосом и, оставив трёх часовых у знамени, стал спускаться вниз. Трофейного знамени нам не досталось.

В это время Власов в сопровождении четверых своих «гвардейцев» искал начальника лагеря, чтобы посадить его в тюрьму. Тюрьмой был определен заброшенный павильон, бывший авиамодельный кружок. Вид он имел мрачный, запущенный, а зияющие пустотой окна, давно не видевшие стёкол, зловеще тарачились ржавыми решётками.

Начальника лагеря Власов не нашёл. Кто-то из персонала сказал ему, что тот уехал за молоком. Старпёра (старшей пионервожатой) тоже не было. Как потом выяснилось, наша старпёр Лёля с утра уехала на какую-то областную планёрку. В отчаянии Власов стал искать людей из администрации, чтобы посадить хоть кого-нибудь. Он с товарищами тактично стучал в запертые двери и заискивающим голосом спрашивал: «Есть здесь кто?» Персонал, почуяв неладное, деликатно не отзывался Власову, предпочитая «отсидеться» и наблюдать революцию из окна, нежели участвовать в ней. Разочарованная, но не потерявшая бдительности «чрезвычайная группа» Власова (для тюрьмы всегда найдутся люди) вскоре присоединилась к ликующей толпе, спешившей на плац, где должен был пройти митинг в честь завоевания власти народом.

5

Пулемётчик и пулемёт

Среди восторженного гама мы шли к линейке. Вдруг одному из моих пионеров в спину ударила шишка. Затем рядом упала вторая, третья. Мы обернулись. С одной из башенок детского городка нас «обстреливал» «белый» пулемётчик. Несколько «повстанцев» бросились его «снимать». Возились они с ним довольно долго. **Наконец**, из-за башенки показалась «группа захвата», ведущая пленного. Одни заламывали «беляку» руки, другие старались его, согнутого, угостить пинком. Я велел его освободить и накричал на своих «санкюлотов», что не подобает так обращаться с пленными. Мальчику дали возможность идти самостоятельно. Он шёл, озираясь, как чужак, несмотря на то, что большинство окружавших его ребят были ему знакомы. «Революционеры» и «обыватели» бросали в его сторону кто злорадные, кто сочувственные взгляды. Пленного решили заточить в тюрьму, но, как позднее выяснилось, наши, «шлёпнули» его по дороге. Потом я узнал и другое: пулемётчик был крепко привязан за ногу к своему боевому посту (поэтому его так долго не могли вывести из башенки). Я был потрясён, ибо такая инициатива могла принадлежать только детям. Ни один вожатый подобного изуверства не допустил бы. Это была уже не игра. Мы с Власовым взойшли на трибуну. Следом за нами на сцену был водружён трофейный пулемёт и направлен на толпу.

6

Блага революции

Всякая власть обещает народу бесчисленные блага.
Хватает её лишь на то, чтобы удержать своё господство.

Сократ

Комитет Спасения в полном составе стоял на трибуне. Перед нами колыхалась празднично настроенная, жаждающая развлечений толпа. «Революционные вожди» поздравили народ с успешным захватом власти и заверили всех в обретении свободы. «А теперь, – звучало с трибун, – всё, чем вам хотелось бы заняться, – в ваших руках! Хотите смотреть кино – пожалуйста! Хотите в игротеку – милости просим! Хотите в бассейн – бассейн ваш! Сколько хотите! Когда хотите! Для этого стоит лишь предупредить своего вожатого!»

Разосланные по этим «значным» местам «эмиссары» стали постепенно возвращаться. Их доклады были неутешительны. Видеозал был недоступен вследствие того, что ответственный уехал с начальником за молоком. «Хозяина» игротеки тоже не удалось найти – он взял отгул. Около бассейна засели физруки, явно симпатизировавшие старому режиму. Но это было только на словах, ибо на флагштоке, торчащем рядом с бассейном, нагло развевалось чёрное знамя. Первыми, кто попробовали на деле силу революционных преобразований, были санитары, «малышовка». Физруки окатили их из брандспойта и больше к бассейну не подпускали никого.

А толпа между тем ждала развлечений. Представители Комитета Спасения стали посмеиваться над ситуацией: всё, за что был поднят народ, оказалось фикцией. Мы не могли выполнить ни одного обещания, и

понимали, что детям об этом говорить нельзя. Нужно было тянуть время. Нам оставалось только митинговать. Каждый из Комитета Спасения попробовал себя в ораторском искусстве. Речи звучали торжественно; говорили красиво и страстно... и долго. Толпа мало-помалу начала редеть. Спортсмены где-то раздобыли мячик и, наплевав на свою революционную миссию, отправились играть в футбол. Власов куда-то исчез. Первый отряд тоже не представлял организованного войска. На мои команды стали реагировать вяло, а вскоре вовсе перестали их выполнять. Я понял, что армия деморализовалась окончательно, когда заметил моих пионеров, удаляющихся в приграничные кусты – излюбленное место для нелегального курения; другие от скуки стали гоняться за «мещанами». Они догоняли их, валили на землю и подвергали «пытке», спрашивая какой-то нелепый пароль. При обращении «солдата армии народа» к «обывателю», пожалуй, самым деликатным было слово «сволочь».

«Мещане» метались от корпуса к корпусу и нигде не находили спасения. В основном они жались у «лазарета», который и без того был переполнен «красными». Их собственный корпус был наглухо закрыт. Дело в том, что вожатый 5 отряда, бывший дежурный по лагерю, потеряв полномочия, посчитал себя свободным от каких-либо обязанностей. Он удалился в корпус и заперся изнутри. Там его ждала напарница. Работая на одном отряде, они полюбили друг друга. Судьба в виде нашей революции подарила им несколько часов томительной страсти. Лишь единожды на неистовый стук пионеров из-за занавесок высунулась Серёжина голова и, одарив «мещан» словами: «Вы хотели играть, вот и играйте», – убралась внутрь. Больше ни шторка, ни окно никаких признаков жизни не подавали.

Ничего не поддавалось никакому контролю. В радиорубке творилось что-то непонятное: «Варшавянка» сменялась «Миллионом алых роз» и «Мёртвыми с косами...». Меня волновало отсутствие 2-го отряда. Близились время измены, и «неумолимому ходу истории» революция ничего противопоставить не могла. Армии уже не существовало, авторитет «масс» был утерян безвозвратно. Мобилизовать «обывателей» даже в небольшой отряд самообороны было невозможно, хотя такая идея была. Очень уж всё красиво начиналось! Жаль было отдавать революционные завоевания без боя. Но всё пошло прахом: «народу» мы ничего не дали и сами себя дискредитировали.

Я стоял у радиорубки – последнего бастиона революции. Оттуда ещё нет-нет, да доносились бравурные революционные гимны. Вдруг из радиорубки появился Власов. Всё это время он «воевал» с радистами, которым надоело «крутить революционные песенки». Мы хотели собрать кое-какие силы, чтобы создать хотя бы видимость обороны. Власов ушёл, я остался у рубки. Мои пионеры были недалеко, некоторых я видел. Они потеряли интерес к игре. В ответ на мои команды построиться они делали вид, что не слышат меня и с озабоченным видом уходили в другую сторону. Призывать революционную армию к гражданской совести было бессмысленно.

Появился 2-й отряд. В моей голове пронеслась мелодраматическая фраза: «Ну вот и всё». Через секунду я был окружён «белыми», в результате чего «погиб в неравной схватке».

Здесь, к моему удивлению, произошло событие, о котором стоит упомянуть отдельно. После того, как мой трёхцветный погон с мясом был выдеран из футболки (слава Богу, в плен меня никто брать не собирался), и я, будучи убитым, удобно пристроился в теньке под деревом, положив на лицо панаму (жара стояла, как 9 термидора в Париже), меня кто-то осторожно взял за запястье. Подняв панаму, я увидел «санитара» – белобрысого мальчика в красной пилотке, в казавшихся огромными на его миниатюрном лице очках и с крестом на лбу. «Пойдём, я тебя вылечу», – только и сказал мой спаситель. «Возьми меня, возьми меня!» – вопили «убитые» мною «белые». Но мальчик, осознающий всю серьёзность выполняемой им миссии, даже не поглядев на них, гордо повёл меня к «госпиталю». Это было очень трогательно – у революции все еще имелись сочувствующие.

Нового погона мне хватило ненадолго. «Роялисты» поджидали меня у дверей. Бегать от них не было смысла, и вскоре я вновь был «убит».

«Обыватели» очень обрадовались приходу «белых». Они встречали их радостными криками и с удовольствием показывали потайные места, где прятались «эти трёхцветные уроды». «Белые» выкуривали их из убежищ и поодиночке ликвидировали. Мне, «убитому», а, значит, выбывшему из игры, наблюдать за этой процедурой было забавно и горько. Наконец с «революционерами» было покончено, и на территории лагеря восстановился долгожданный для «обывателей» мир. Мятеж был подавлен. Наше поверженное знамя цветной тряпкой валялось у Административного корпуса.

«Белые» с видом победителей ходили гоголем. Кое-кто из «повстанцев» добровольно сдался в плен, заверив своих врагов (а теперь – друзей), что в революционной армии он оказался против своей воли. Но как только был «расстрелян» последний «мятежник», доблестные войска «старого», а точнее сказать, «нового» порядка – все привычные понятия за какие-то полчаса перепутались – стали более пристально присматриваться к «мещанам». Вскоре «справедливое возмездие» обрушилось и на «обывателей». «Белые» их ловили, выкручивали руки и проводили дознание, в какой степени тот или иной «гражданин» служил революции. С визгом и криком «мещане» бросались враспынную. Они забивались в самые невероятные логова, дабы хоть на короткое время найти себе укромное место, где их не могли бы достать ни революция, ни контрреволюция.

Последний бой «санкюлотов»

– Извиняюсь, есть честолюбцы и дураки, но героев нет.

– Но когда вы идёте в атаку, разве это не героизм?

– В атаку не ходят, а гонят, и те, кто идет, – трусы.

А.Н. Толстой «Хождение по мукам»

В то время, когда на территории лагеря происходили описанные выше события, основной корпус правительственных войск, расположившийся в лесу, готовился к бою со «смутьянами». Дима и Валера, оба теперь командиры «белых армий», договорились о едином времени выступления, рассчитывая на отчаянную оборону «санкюлотов». И если 2-й отряд не встретил никакого сопротивления, то 3-му и 4-му отрядам на территорию лагеря пришлось пробиваться с «кровопролитными боями». Власов, не на шутку разгневанный расхлябанностью революционных войск, отыскал нескольких своих пионеров и клятвенно пообещал им, что, если они сейчас не соберут хотя бы половину отряда для контратаки, то он, лишь только закончится День самоуправления, со спортотрядом в целом и с каждым из них в отдельности сотворит нечто жуткое. В итоге, он «сколотил» небольшое, но вполне боеспособное подразделение. «Белым» они дали достойный бой и «погибли» с честью.

Власов рассказывал: «Нас было человек восемь. Мы засели у дальних ворот (калитка, ведущая с территории лагеря в лес; 2 отряд наступал с противоположной стороны – от центрального входа). Я лично выполнял функцию заградотряда. Предупредил их: не дай Бог, кто побежит. И тут на нашу жиденькую цепь хлынули 3 и 4 отряды. Страшное зрелище – какая-то лавина. Впереди – Марина со своим бюстом! Набросились на меня, всего изваляли. Но эти мои не отступили».

Как этот бой виделся «белым», я передам со слов Валеры: «Мои «рванули» в атаку. Я потихонечку шёл за ними. Вдруг вместо спин я увидел испуганные пионерские физиономии – армия обратилась в бегство! «Куда?! – заорал я. – А ну вперёд!» Мне в ответ: «Там спортотряд!» – «Ну и что, что спортотряд?! Вперёд, я сказал! А ну вперёд!» Они робко стали разворачиваться в сторону, где, по их словам, засели «власовцы». Для пущей убедительности одного своего пионера я слегка приложил костылём, потом второго, третьего. Эффект был положительный. С визгом и улюлюканьем, держась за попы, с криками: «Ура! Ой, Валер, не надо, мы сами...! Урррраааа!...» – они продолжили чуть было не захлебнувшееся наступление».

Вскоре «белые армии» соединились. Игра прекратилась сама собой. Мы отвели детей на обед, а затем по распорядку уложили на «тихий час», разрешив, не спать и делиться впечатлениями. От бывшего времени смуты остались лишь воспоминания да ветром разметённые по кустам клочки трёхцветных погон.

Эпилог

Революцию начинают крайние,
продолжают умеренные,
а всё заканчивается реставрацией.

Древняя истина

По словам тех, кто наблюдал картину перехода ко Дню самоуправления, «такого они не видели давно». Мы были настолько увлечены игрой, что не заметили, как за нами наблюдают работники медпункта, столовой, слесарки, хоздвора и прочих подразделений лагеря. «Весело, – говорили они, – было всем, особенно вожатым».

После отбоя за чаем мы обсуждали то, чему были свидетелями и в чём участвовали. Нас поразило, что революция началась и развивалась по модели всех нам известных исторических смут; не по предполагаемому сценарию, а естественно, как того требовала обстановка. Главными героями были дети. Каждый из них вёл себя так, как велел ему его характер, воспитание, возраст, а главное – как его направляла толпа, которая, по выражению Власова, всегда «безумна и уродлива». Трудно было сказать, когда точно стройные революционные колонны превратились в неуправляемую массу, подчиняющуюся лишь законам жестокости и насилия.

Да... поиграли... Из-под детских панамок на нас глянул цивилизованный социум взрослых. Оценивая события первой половины дня 21 июля 1991 года, мы приходили к волнительным и страшным выводам.

Идея революции не иссякла. На следующий день ко мне подошли несколько мальчишек из 3-го и 4-го отрядов:

– Сань, а когда ещё будет революция?

– Теперь, наверное, только в будущем году.

– А, может, пораньше? Давай в конце смены сделаем ещё одну революцию! Только революционерами вы с Власовым выбирайте не 1-й и 2-й отряды, а нас. Мы никогда не предадим, не то, что эти...

Идея революции переселилась в головы вчерашних «контрреволюционеров». Это тоже соответствовало реальному ходу вещей: романтика революции способна пленить убежденных монархистов. Многим желанен мятеж, да не всем по зубам. Идея восстания заложена не столько в варварском отношении власти к народу, сколько в человеке как таковом, желании проявить себя в разрушении... И возраст здесь не важен. Пока жив человек, непременно будут происходить перевороты, перерастающие в гражданские войны. Последние породят реки крови, моря слёз и томную память о великом героическом и романтическом прошлом.

Наш День взятия Бастилии вспоминали несколько лет. Участникам и свидетелям он памятен до сих пор. Подобных переходов ко Дню самоуправления больше не происходило. И слава Богу! «Свечки» лучше революций.

18 мая – 16 ноября 2004 г.

АЛЕКСАНДР ГУГНИН

ПОХОД К ИСТОКАМ ПОЛОТЫ В 1957 ГОДУ*

13 июня. Сегодня в 14.50 мы покинули Полоцк. Настроение бодрое. Вот уже проехали Громы, станцию Полота, и поезд всё движется вперед: всё ближе к намеченной цели. Вот уже переехали реку Полоту. С обеих сторон железнодорожного полотна виден лес. Вблизи от дороги лес лиственный, а дальше – хвойный. Проехали два озера: одно – с левой стороны, а другое – с правой. Второе озеро мне особенно понравилось. Мысок, весь покрытый травой, кустарником и лесом, далеко вклинивается в озеро. Пересекли два притока Полоты. А вот и озеро, из которого берет начало река Полота. Вот и станция Железница. Поезд стоит три минуты. Мы высаживаемся. Фотографируемся на фоне железнодорожного полотна и отправляемся в путь.

До деревни Туричино шесть километров. Все полны сил и жизнерадостности. Идём около полотна железной дороги. Кое-где, по обочинам дороги и в лесу, попадаете земляника. По пути встречаем двух женщин. Они рассказали нам, где свернуть на Туричино. Мы решили сократить дорогу и пошли напрямик. Пришлось переходить через маленькое болотце. Девочки пошли в поход в тапочках и поэтому промокли. Идём прямо через поле клевера к деревне. Вот впереди блеснула голубая полоска, и вот уже всё озеро, не широкое, но длинное, всё покрытое пенящими гребнями волн, видно вдаль. Вот и деревня! Центральная улица представляет собой чудесную аллею. Она состоит большей частью из лип и берез, но есть и тополя. Мы подходим к школе. Перед нами привлекательное двухэтажное здание, окруженное очень высокими и стройными березами. В одном из классов школы, на первом этаже, идёт экзамен на аттестат зрелости. Мы осматриваем внешний вид школы и школьного двора. Неплохая спортивная площадка: два турника, лестница, два бум, волейбольная и баскетбольная площадки. Заходим внутрь школы, знакомимся с директором и одной из учительниц. Приняли нас хорошо; предоставили кухню и отдельный класс для ночлега, выделили кровати, подушки и одеяла. Мы положили свои вещи в учительской и сразу же отправились на озеро. Озеро, из которого

* Публикуется дневник, который автор вёл во время похода группы девятиклассников школы № 1 г. Полоцка к истокам Полоты в июне 1957 г. Поход был организован учительницей географии, Юлией Игнатьевной Савицкой, и остался в памяти ещё и потому, что Полота оказалась единственной рекой, которую он прошёл от истоков до самого устья. Блокнот, в котором девятиклассник карандашом записывал (урывками) то, что ему тогда казалось достойным запечатления, чудом сохранился, и в этих своих записях он ничего не стал исправлять и дописывать, только названия деревень, озёр и речек проверил по новейшему справочнику: Шаруха И.М. Край у центры Еўропы: Полацкі раён, Полацк, Наваполацк: геаграфічна-статыстычны даведнік. Прадм. У.А. Арлоў, – Мінск: Колорград, 2017.

вытекает Полота, очень красивое и довольно большое. Вода в озере очень тёплая. Был довольно сильный ветер, и поэтому купаться никому не хотелось. Но озеро было настолько заманчиво, что мы с Вовкой не выдержали. Как приятно плыть навстречу волнам, то погружаясь в воду, то всплывая на самую верхушку гребня!

Мы снова в школе. В первый день мы решили ничего не готовить, и поэтому сразу же расположились ужинать.

После ужина учительница, молодая, недавно окончившая институт девушка, повела нас на экскурсию по селу. Здание школы было построено в 1903 году. Рядом со школой расположена братская могила, в которой похоронено более двух тысяч человек. Они были расстреляны и повешены немцами и закопаны в различных местах. После войны останки людей были свезены в одно место и сделана братская могила с памятником. Туричинские школьники ухаживают за памятником и окружающими его могилами. Они возлагают венки и сажают цветы. В деревне есть клуб, в котором каждые два дня идет новое кино. Довольно хороший магазин. Интересное сооружение, наподобие трибуны, стоит у магазина. Здесь проходят местные демонстрации. В деревне есть молокозавод и больница. Образованный в деревне колхоз носит имя Ленина. Колхоз небогатый. Расположенный рядом колхоз им. Ломоносова гораздо богаче. Мы проходим по липовой аллее, посаженной помещиком. Проходим по помещичьей усадьбе. Сейчас от нее почти ничего не осталось, и лишь кое-какие следы указывают на то, что здесь когда-то жили помещики. Два пруда, причем один из них совершенно заросший, предстают перед нами. Огромное поваленное дерево, пролежавшее через один из прудов, указывает на запущенность, и придает местности несколько задумчивый и грустноватый оттенок.

Осмотр деревни закончен. Мы снова в школе. Немного усталые, но непоколебимо бодрые мы легли спать.

14 июня. Проснулись в семь – настроение отличное! Сегодня мы решили что-нибудь приготовить на завтрак. Кроме того, нам нужно было дожидаться Николая Александровича (учителя), который должен был приехать с утренним поездом. Мы ознакомились с материалами партизанского движения в Домницком сельсовете, собранными и записанными учениками Туричинской школы. А между тем завтрак уже готов. Мы идём в столовую школы-интерната, усаживаемся за столиками и приступаем к завтраку. Молочный суп, приготовленный руками наших искусных поваров, Сёвы и Бэллы, всем очень понравился. Кисель тоже понравился, несмотря на то, что он был приготовлен несколько неправильно. Но ничего, в будущем эти ошибки не повторятся! В самый разгар завтрака к нам пришел учитель (в 10 часов). Теперь мы все в сборе. Надо отправляться. Убрали кровати, подмели полы, уложили рюкзаки и в путь.

Мы вышли в путь! Скоро перед нами предстанут истоки Полоты. Наш путь лежит по берегу озера. Мы искали препятствий, и они уже тут как тут. Девочки пошли в поход в тапочках, а местность, по-видимому, будет болотистая. Пришлось разуться. Вдобавок к этому пошел дождь, который постепенно стал усиливаться. Метров в трёхстах-четырёхстах от нас виднеются строения. Мы прибавили шагу, а затем побежали бегом... Мы уселись в сарае и стали обдумывать дальнейший план действий. Мы с Николаем Александровичем решили сходить в деревню – узнать у стариков какие-нибудь предания о Полоте. Один из местных жителей указал нам на Бориса Михайловича Окуновича как на одного из старейших жителей деревни Ермошино. Дом, невзрачный снаружи, но довольно неплохой и просторный внутри, был окружен сиренью. Нас встретил сам хозяин, невысокий старик, лет семидесяти пяти, встретил очень радушно и гостеприимно. Он рассказал нам о своей жизни. Борис Михайлович начал работать в 1901 году и хорошо знает местность. Раньше, еще в дореформенное время, определенного русла Полота не имела. Вода из Туричинского озера двигалась сплошным потоком в озеро Неклоч, а оттуда уже принимала определенное русло. Но еще до реформы, как говорят предания, по указанию помещиков была вырыта канава до озера Неклоч. Было вырыто также еще несколько отводных канав. Еще до озера Неклоч Полота раздваивается. Одна река, Ведица, течет в Дриссу. Затем, в связи со строительством железной дороги, а также в связи с тем, что на прочистку канав не было обращено достаточного внимания, русла Полоты и Ведицы засорились, заросли айром, и вода проходит очень плохо. Вследствие этого окрестные луга и бывшие поля заболотились. Заболочено оказалось 12700 гектаров земли, пригодной для пахоты и лугов. Колхозам это приносит некоторый урон. Рассказывают, что в 1930-х годах были затоплены даже зерновые культуры и привозить хлеб пришлось из центральных регионов. Рассказывают также, что сюда приезжали научные работники для исследования и, по-видимому, осушения русла Полоты и других рек. Но пока дело не движется. Рассказал он нам и еще один интересный случай. Ещё до революции в деревне жил помещик Соколовский, по происхождению поляк. По рассказам это был исключительный по доброте человек. В деревне о нём до сих пор сохранилась память. Он был хорошим врачом и бесплатно лечил крестьян. Он давал взаймы крестьянам, и если ему носили отдавать, то он почти всегда отказывался от долга. После Великой Октябрьской Социалистической революции, когда в деревне была организована коммуна, Соколовский вступил в коммуны. Затем он работал где-то на железной дороге, и когда умер, то крестьяне, в знак признательности, отвезли и похоронили его на польском кладбище в деревне Лужок (Лужки?), как он указал в завещании. Это довольно интересная история, хотя в неё и трудно поверить. Спросили мы у него и о происхождении названий окрестных деревень. Название деревни Туричино, как рассказывают, происходит оттого, что когда-то в этой деревне жил богатый турок. В деревне Ермошино, как говорят, жил богатый мужик Ермолай. В деревне Царево, как сказал нам старый рыбак, в далекие времена жил «царь». Сёва сфотографировал Бориса Михайловича. Мы расспросили его о Полоте, но ничего нового не узнали.

Мы двинулись к истокам Полоты. Метров 200 пришлось идти по болоту, прежде чем мы подошли к цели. Здесь, на месте выхода Полоты из Туричинского озера, мы сфотографировались на мостиках, которых в этом месте довольно много.

Затем мы двинулись на Клястицы к озеру Неклоч, из которого уже окончательно начинается Полота (среди местных жителей по этому вопросу имеются некоторые разногласия. Одни говорят, что Полота начинается в Туричинском озере, а другие – в озере Неклоч)*...

Вот вдалеке показалась красная башня (водокачка, как мы узнали впоследствии) – это Клястицы. Мы подошли к зданию школы и решили здесь переночевать. Но нам посоветовали лучше отправиться к озеру Неклоч, в деревню Шведы, где Полота принимает свое окончательное русло. Взялись проводить нас туда трое ребят.

Вначале мы шли по железной дороге, а затем свернули в лес. Лес очень красивый и совсем не заболоченный. Место, где река Полота вытекает из озера Неклоч, очень живописное.

Река довольно широкая, но заросшая. Мы перешли Полоту и отправились в деревню Шведы. Здесь мы разместились на квартиры. Местные крестьяне тоже жалуются на Полоту. Мы сварили суп, плотно покушали и легли спать.

15 июня. Сегодня наша цель – Алёща. Мы вышли рано, в 8 часов утра. Путь на Алёшу лежал через деревни Каменку и Булыги. Дорога хорошая, но попадаются лесные ручьи, которые приходится переходить разувшись босиком. Но мы не унывали. Вот прошли Каменку. В деревне Булыги проходит река Полота. Здесь мы сфотографировались и хорошо осмотрели местность. Ширина реки около моста – 26 метров. От Булыг мы двинулись к Алёще. Путь лежал через лес.

* В указанном выше справочнике Игоря Шарухи сегодня можно прочитать о Полоте следующие данные: «Длина реки – 93 километра, из них в Полоцком районе – 86 километров. Исток – озеро Колпино в Псковской области... По данным Семенова-Тянь-Шанского (т.4, 1873, с.163) Полота протекает через озёра Колпита, Туричино, Неклоч». Таким образом, сегодня возникает сомнение: действительно ли мы были в 1957 году у самых истоков Полоты? Никто из местных жителей, которых мы расспрашивали, ни озеро Колпино, ни озеро Колпита нам не называл. Впору организовать еще один поход, чтобы всё это еще раз уточнить... Кроме того, Игорь Шаруха упоминает о древних урочищах (поселениях третьего-второго веков до нашей эры), которые находятся в верхнем течении Полоты (с.150 и др.). Значит, уже до нашей эры на Полоте жили какие-то племена. Об этом мы во время нашего похода почему-то совсем не думали...

В Алёще мы узнали, что от Алёщи до Полоты расположены военные полигоны, через которые нельзя пройти, и поэтому нам нужно было добираться до Полоты на поезде. Поезд шёл на следующий день, и мы уже расположились отдыхать, но неожиданно подошел товарный поезд. Мы поговорили с машинистом и вскоре уже сидели на платформе, рядом с новеньким ЧТЗ. Поезд шел очень быстро, и пыль попадала на нас. Но, несмотря на это, мы были очень довольны. Вот поезд подъехал к Полоте. Мы поблагодарили машиниста и пошли в Казимирово. Здесь есть большое озеро. Мы хорошо отдохнули, искупались и пошли на квартиру. Хозяева попались очень хорошие. Мы покушали, принесли сена и легли спать.

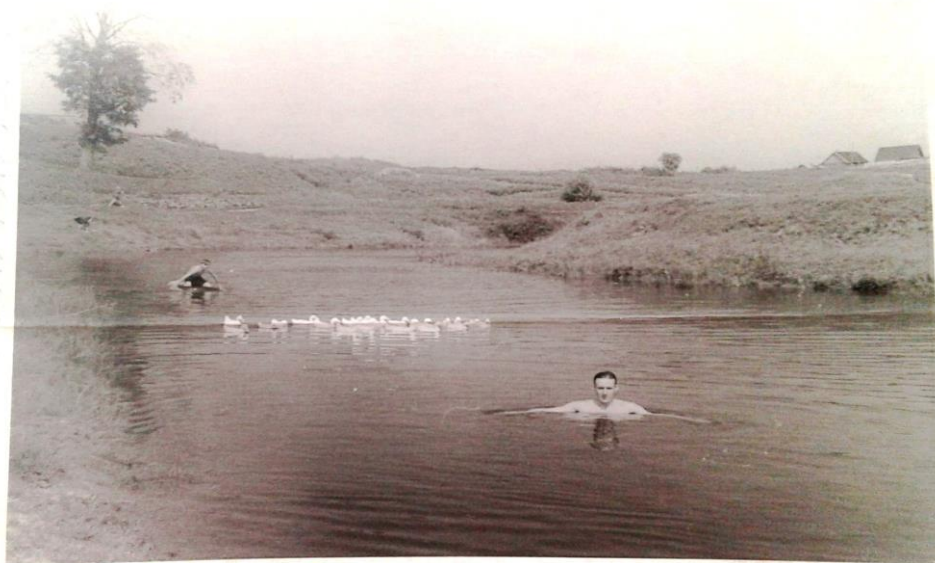
16 июня. Утро. День, по всей вероятности, будет солнечный, но ветреный. Мы сходили на озеро, искупались, покушали и отправились в путь. Мы решили сегодня сбить плоты и плыть на них. Вначале мы зашли на почту и позвонили в Полоцк, в школу, но нам не ответили. Мы решили двигаться по течению Полоты. От станции Полота до самого Полоцка Полота протекает по очень красивой местности. Раскидистые плачущие ивы низко склоняются над водой. По обоим берегам реки раскинулись чудесные луга, одетые ярким ковром цветов. До Захарнич Полота делает зигзаги и изгибы, но их меньше, чем на участке от Захарнич до Полоцка.

Мы подошли к Юровичам. Посреди деревни, в опрятном скверике, находится братская могила с памятником. В юровичской братской могиле похоронено более 200 патриотов Родины. В Юровичах мы сделали привал. Здесь впервые за всё время похода девочки и мальчишки кушали вместе. Но на этом привале заметно стала чувствоваться усталость. Ребята неохотно встали с места после отдыха, и один из нас, Коля Рыгин, так и не пошёл вместе со всеми.

По пути мы миновали несколько деревень: Шуматёнки, Жихоры и Баяновщину. В деревне Жихоры мы обратились к зам. председателя колхоза тов. Молодёжкину за помощью по постройке плотов. Но он посоветовал нам бросить эту затею, как невыполнимую. По течению Полоты есть низкие мостики, через которые плот надо переносить, но плоты, построенные из расчета на 9 человек, перенести не так-то просто.

Мы двинулись пешком к деревне Захарничи. Здесь мы остановились на ночлег в школе. Это была последняя походная ночь, и мы решили не спать. Кое-кто не выдержал, заснул, но остальные не спали всю ночь.

17 июня. Усталость и бессонная ночь сделали своё дело. Наутро бодрость значительно упала. К тому же мы узнали, что от Захарнич до 3-й Боровухи три километра по дороге, а если идти по Полоте, то получается более 30-ти километров. И поэтому все двинулись по дороге. Мне очень хотелось увидеть Полоту у Полоцка, и поэтому я пошёл по течению реки, хотя Юлия Игнатьевна меня отговаривала и даже хотела пойти вместе со мной. Но я немного рассердился на ребят за то, что они поддались усталости, кроме того эти места мне были уже знакомы, и мне вообще хотелось побыть одному. На пути от Захарнич до города Полоцка Полота делает очень много петель и зигзагов. Река на всем протяжении очень живописная. Берега большей частью низкие. В лесу река почти не протекает. Кругом поля и поля, и только кое-где в стороне виден лес. Я прошёл две деревни – Янково и Бараново – по правому берегу, поднялся на высокий берег и увидел сначала Громы, а затем и Полоцк. Долго стоял я, затаив дыхание, наблюдая чудесную панораму раскинувшегося вдалеке города. Вот уже и Громы остались позади. Около деревни Слобода пошли давно знакомые места. А вот и дом!

Такой была Полота в мои школьные годы. Наш деревянный дом стоял на горе (слева). За моей спиной резвятся наши утки...

Полота зимой. Художник Николай Гугнин

Через 40 лет после похода: снова у родных мест

У истоков Полоты

Небо с востока слегка заалело,
Ветер порывами гладь рябит,
Травку к земле наклоняет несмело
И в камышах шумит.

Озеро. Светлого неба полоска,
В белом тумане камыш.
Здесь, у истоков, ольха и берёзка
Да предраассветная тишь.

Рядом деревня. Колечками вьётся
В небо игривый дымок.
Чу! Уж напев петушинный несётся,
Ярче алеет восток.

Здесь, средь природы простой и красивой,
Путь начинается родная река.
Воды блестят темно-синим отливом,
Вровень с волнами в траве берега.

Бревна в различных местах через реку,
Местность вокруг оживляя, лежат,
Новые есть, а иным уж по веку, –
Тиной покрыты, скользят.

И от истоков, в олешиник скрываясь,
Речка всё дальше и дальше течёт,
Всюду ручьи и речушки вбирая,
К Полоцку дальнему рвется вперёд!

На родине

Я вновь в родном уединении,
От гроз столичных вдалеке.
Прочь все напрасные волнения –
Сюда я прибыл налегке!

Пойду в поля, как на свиданье,
Берёзки буду обнимать,
И, позабыв свои страданья,
Им гимны буду сочинять.

В любви им буду объясняться,
Шептать глупейшие слова.
И от неслыханного счастья
Кружиться будет голова.

И осень в блекнущем уборе
Подступит вдруг издалека,
С сиротской нежностью во взоре
Начнет кружить и завлекать.

Ах, осень, вдовушка, красотка,
С тобой роман закрутим мы!
И нагуляемся в охотку
Аж до разлучницы – зимы...

На Полоте есть дивные луга, –
Таких в раю, пожалуй, не отыщешь.
Здесь каждая тропинка дорога,
Здесь каждый кустик ждёт тебя и ищет.

Здесь птичка каждая крылом тебе махнёт
И зачирикает приветливо, как другу,
И позовёт в немыслимый полёт:
Давай, взлетай, – найдём тебе подругу, –

Слетаем мы к истокам Полоты,
Озёра все обмеряем играя,
Плясать и петь нам будут все цветы –
Вот это рай! И лучше нетурая!

На Полоте*Брату*

В этой речке неглубокой
Окунуться что ли нам?
И уплыть мечтой далекой
По игрушечным волнам.

Или, может, в этих ивах
Лечь, как много лет назад.
И смотреть, как в высях синих
Тучки белые скользят.

Иль взойти на холм покатый
И увидеть лес вдали.
И вздохнуть, что безвозвратно
Годы лучшие ушли.

Воспоминания о днях юности на Полоте

Здесь ласточки летали над обрывом
И гнёзда-норы рыли для птенцов,
Стрелой мелькали – или вдруг лениво
Скользили над вершинами лесов.

А мы лежали на лугу у речки,
Счастливые, – смотрели в небеса:
На облака, скользящие беспечно,
На ласточек, сверкающих в глаза.

Их щебет звонкий душу как оркестр
Божественный и чистый вдохновлял,
И как родник, живительно чудесный,
Все тело соком жизни наполнял.

И жить хотелось, и трудиться тоже:
Лепить гнездо, выращивать птенцов,
И песни петь, и радовать прохожих, –
Родных небес повсюду слыша зов!

28 августа 1996 года в Полоцке

Сегодня здесь такой мятежный ветер
Ликует в кронах старых тополей,
И день высок, и праздничен, и светел,
Как в дни счастливой юности моей.

Так щедрым солнцем воздух весь пропитан,
И небо излучает благодать.
Не надо в храм – душа поет молитвы,
Чтобы хвалу Всевышнему воздать.

Ах, боже мой, какой старинный ветер!
Как будто мне опять пятнадцать лет.
И день высок, и праздничен, и светел,
И никаких преград для сердца нет!

Реке Полоте

Тихо по речке
Струится вода.
Я эту речку
Люблю навсегда.

Сколько б ещё
Ни осталось мне жить, –
Буду я помнить,
И буду любить

Каждый изгиб,
Где струя порезвей,
Где на стремнине
Отряд пескарей,

Где на кувшинках
Стрекозы сидят,
Смотрят на волны
И в небо глядят...

Полота

Николаю Г., брату

Чем эта речка нас прельщает,
Дарующая вид холмам?
Нас каждый год она встречает,
Как будто радуется нам.

Корова вечно здесь пасётся,
И козы гложут ивняки.
Теперь уж мало кто возьмётся
Удиль у маленькой реки.

А в детстве, помнишь, в час рассветный,
Тому уж сорок лет назад.
С каким волнением беззаветным
Мы шли в заветные места!

За каждым этим поворотом
На много вёрст в лесах, в полях
Весь день аукается кто-то,
С кем ты здесь в юности гулял.

То друг ли был, сюда случайно
Для откровений занесён?
Какие трепетные тайны
Хранит сейчас притихший склон?

И тенью легкой здесь кружатся
Подруги тех, далёких дней,
И снова я готов поклясться,
Что нет любви моей верней.

В погожий день на берег выйдем,
Чуть-чуть под солнцем постоим,
Беспечным предадимся мыслям.
А о прошедшем помолчим...

Люблю я свой город, и речку люблю.
И чувства все трачу и снова коплю, –
Чем больше потрачу, тем больше найду, –
И с этим я к старости светлой иду.

Друзья и подруги всех прожитых лет,
Всем шлю я горячий и светлый привет!
Живите и здравствуйте, други мои,
И плавайте в море счастливой любви!

Уважаемые читатели! Если вы хотите, чтобы ваше произведение было опубликовано на страницах альманаха «Литературный ОбъектИФФ», вам следует предоставить электронный вариант рукописи. Для этого обращайтесь на кафедру мировой литературы и иностранных языков или присылайте файлы на электронный адрес LOalmanac@yandex.ru.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Багарадава Т.	
Душа.....	3
Ты Сергей, аднак жа не Ясенін.....	3
Месяц кветак і траў, калі з сэрца паэзія л'ецца.....	3
Уначы.....	4
Вясновае.....	4
Я стаю ў лёсу на парозе.....	4
Шуханкова М.	
Поэт Поэту лишь Поэт?.....	5
А в груди больше нет мест.....	5
Чтобы спастись.....	5
Кинестетика любви.....	6
Снова гостей в твою обитель.....	6
Ковалёва Т.	
Одиночество XXI века.....	6
Ветер.....	6
Колька.....	7
Белоруска.....	7
Калиновый квасок.....	7
Шабанова Р.	
Пусть так.....	8
Крылья.....	8
Устинович П.	
Навеянный унылым откровеньем сон.....	8
Вороны клюют цветы.....	8
Богданова Н.	
Старая стерва.....	9
Рукав Ориона.....	9
Ей.....	9
Чудак.....	9
Родному дому.....	9
Твои глаза словно холодный серый лист.....	10
Вы жрёте в ресторанах дорогих.....	10
17.....	10
Сапега В.	
Олень.....	11
Дева.....	11
Родной!.....	11
Я буду ждать Тебя весной.....	11
Мудрец.....	11
Я когда-то летала над звёздами.....	12
Я когда-нибудь отправлюсь в путь.....	12
Мозго А.	
Взяла гроздь рябины с земли.....	12
Давай добавим подавленной ярости.....	12
Atrakhimovich D. The Wolfie Wolf and Seven Goats in the Short and Funny Notes	13

ПРОЗА

Борисенко Н. Простой рассказ	14
Марданов А. Миниатюра	15
Козин А. Штосс (заключение)	16
257cm. У вечных	19

ВОСПОМИНАНИЯ

Козин А. День взятия Бастилии	25
Гугнин А.	
Поход к истокам Полоты в 1957 году.....	32
У истоков Полоты.....	37
На родине.....	37
На Полоте есть дивные луга.....	37
На Полоте.....	37
Воспоминания о днях юности на Полоте.....	37
28 августа 1996 года в Полоцке.....	38
Реке Полоте.....	38
Полота.....	38
Люблю я свой город, и речку люблю.....	38

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 9

Ответственная за выпуск *А.И. Мозго*
Компьютерная верстка *А.И. Мозго*
Дизайн обложки *Е. Мясникова*

Подписано в печать 28.12.2019. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 6,24. Тираж 55 экз. Заказ 1621.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.